Любя, гасите свет

Автор:
Наталья Андреева

Любя, гасите свет

Наталья Вячеславовна Андреева

Они даже не были знакомы, эти две женщины, и вряд ли могли где-то пересечься.

Одна шла вперед, сметая все на своем пути и совсем не заботясь тем, как ее поступки выглядят с точки зрения морали. Другая тихо мечтала, боясь рассказать о своих планах даже маме, все равно не поймет. И каждый день смотрела на окна богатой квартиры той, другой, гадая, почему там все время горит свет?

Это демонстрация своего превосходства, страх одиночества или какая-то тайна? Фортуна ведь тоже женщина и обожает интриговать. Она дала тихоне шанс, и та его не упустила. Ее маленький мир затворницы и вечной неудачницы буквально взорвался от событий и впечатлений.

Один свет погас, а другой зажегся. Эти две женщины так никогда и не встретились, но они незримо передали друг другу эстафету.

Наталья Андреева

Любя, гасите свет

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Ночной мегаполис – зрелище феерическое и завораживающее. Многоярусный океан разноцветных сияющих огней, от слегка размытого света, пробивающегося из подземных паркингов, до алых точек в черном небе, обозначающих вершины небоскребов. А между ними этажи неоновых вывесок, тысячи квадратных метров переливающейся всеми цветами радуги рекламы, бесконечные кварталы, теплящиеся окнами жилых домов, мириады ярко освещенных офисов, где частенько засиживаются допоздна, манящие огоньки ночных клубов, для которых с наступлением темноты жизнь только начинается… Огни, огни, огни… И за всеми этими огнями люди, много людей. Разные жизни, непростые судьбы, запутанные истории отношений… Кажется, что в этом огромном перенаселенном городе нет места одиночеству. Напротив, из-за тесноты все только и мечтают что о необитаемом острове в бездонном и бескрайнем океане. Но это всего лишь иллюзия.

Люди здесь настолько заняты, что им трудно сосредоточиться на чем-то одном, и редкое свое желание они возводят в ранг заветной мечты, слишком уж много вокруг соблазнов. В этот город легко попасть, он открыт для всех и с воздуха, и с суши, но так же просто в нем исчезнуть, потому что в телефонной книге контактов у каждого его жителя десятки, сотни, и даже тысячи номеров, и она постоянно пополняется. И если один из этих номеров вдруг долго не отвечает, так что ж? У всех дела, все заняты, если не работой, то повседневной суетой. Человек не исчез, он просто затерялся. Его окно не светится, потому что он спит, или уехал.

А если оно светится и рано утром, после того, как отступила темнота? И днем, когда большинство людей на работе или бегают по каким-то своим неотложным делам? Светится оно и в сумерках, когда самое время для похода по магазинам. Если оно, это окно светится всегда? Тогда за этим есть какая-то тайна. Но кому охота ее разгадывать? Кому есть дело до пронзительного одиночества за этими ярко освещенными окнами? Или это что-то другое?..

Соня

Знаете, что объединяет нас, людей? Не тех небожителей, агукающих из «норковых» пеленок, баловней судьбы, которые с самого своего рождения упакованы полностью и только и делают потом, что прожигают жизнь. Обычных людей, живущих в типовых квартирах или скромных частных домах, окончивших рядовую среднюю школу и какой-нибудь ординарный вуз или колледж. А то и вовсе ничего не окончивших, вкалывающих с утра до ночи в торговой точке, или на каком-нибудь объекте. В офисе, в НИИ, в бухгалтерии при заводе, или в Пенсионном фонде. Людей, живущих от зарплаты до зарплаты, выкраивающих ежемесячно из своего скудного заработка на отпуск. А потом, во время отпуска, вдруг срочно делающих на эти сбережения ремонт в квартире или на даче. Потому что Крым подождет. Подождет и Турция. А вот капающие краны ждать не будут, и новая кухня сама собой не нарисуется. Проценты по ипотеке сами собой не рассосутся. Заботы и проблемы у всех разные, но есть нечто такое, что нас всех объединяет.

Мы все обожаем мечтать. Эти мечты, как правило, начинаются с фразы: «Эх, были бы у меня деньги!» А дальше… Господи! Конечно, на море! Сначала отдохнуть как следует, в шикарном президентском номере, чтобы шампанское с ананасами в огромную постель, и в джакузи плавали бы лепестки роз… Или – нет. Круиз! На месяц, а лучше на год! На белоснежном лайнере, в каюте с балконом, чтобы каждый вечер видеть восхитительный закат, а по утрам небрежно просматривать принесенную дворецким газету. Суетятся людишки на бирже, вот паника, а у меня все есть.

Потом… Машина, нет, две машины! Джип и кабриолет, лететь по трассе, чтобы все тебя видели и завидовали. Ветер в лицо, ревет мощный мотор, сердце бешено стучит от скорости и восторга. Мелькают какие-то дома. Нет, стоп! Один из них твой! Конечно! Громадный особняк с двадцатью спальнями. С бассейном и гаражом, с зеленой лужайкой, на которой красуются полосатые, как арбузы, шезлонги. Искупался – и вот уже дворецкий несет тебе кипельно-белый махровый халат.

Да почему опять дворецкий-то? А как же! Слово из той, другой жизни, где кабриолеты и черная икра на завтрак, крутые пати в Ницце, и море хоть каждый день. Захотел – и лети. На своем самолете.

Да что толку пересказывать все эти глупости? А то вы и без меня не знаете, как оно там, в мечтах? Да супер! А теперь вернемся к суровой реальности.

В кастрюльке, в крутом кипятке, плавают два яйца. Готовить я не люблю, да и не для кого. Я и яйца-то сварить толком не умею. Всегда хочу всмятку, а они, заразы, получаются вкрутую. Точно так же я всегда сажусь на солнечную сторону в любом автобусе или маршрутке. Хотя хочу сесть в тень, как и все нормальные люди. Но мне всегда, увы, достается неудобная солнечная сторона. Это моя карма.

Мне вообще по жизни не повезло. Поэтому я и люблю мечтать. Я живу на съемной квартире вместе с соседями, супружеской парой. Они занимают большую комнату, а я маленькую, поскольку их двое, а я одна. Зато я плачу пятнадцать тысяч в месяц, а они двадцать. У нас все по справедливости. Прежде чем перейти к событиям, столь круто изменившим мою жизнь, мне надо пояснить, как я оказалась в этой квартире, вместе с Колей и Олей. И почему я работаю на дому. Почему хожу почти каждый день мимо того дома. Почему подолгу глазею на те самые окна. И почему приняла решение, которое никто так и не понял. После чего меня объявили чуть ли не сумасшедшей. А ведь все логично.

Меня зовут Соней, мне двадцать семь лет. Не подумайте ничего плохого: я была замужем. Со статусом у меня полный порядок. Разведена. Детей нет. До своего замужества я жила, в общем-то, счастливо, хотя моей маме так не казалось. Она постоянно меня пилила:

– Сонька, тебе уже двадцать четыре! Скоро и двадцать пять стукнет! Ты так и останешься старой девой! Пора и о детях подумать!

Почему-то подумать сразу надо было о детях, а не о муже. Хотя до мамы наконец дошло, что без мужа в этом деле никак. В плане статуса и вообще. В плане процесса. Моя мама относится к тому типу женщин, которых я мысленно окрестила «женщина-танк». Они не отличаются ни красотой, ни умом, ни богатой фантазией, просто утюжат улицы, офисы и магазины, готовые в любой момент дать отпор любому агрессору. Точно так же они ведут себя и в семейной жизни. Утюжат своим домочадцам мозги, пока там не останется ни одной складки, то бишь извилины. Кроме как «да, мама, хорошо, мама, все сделаю, мама».

Спорить с моей мамой бесполезно, я и не спорила. И она принялась обзванивать своих подруг, а те, в свою очередь, своих подруг. По эфиру пошли круги, которые становились все шире и шире. Они покрыли огромную площадь, от

центра столицы до самого дальнего «Замкадья». Похоже, что вся женская половина Москвы в итоге этих телефонных переговоров озаботилась моей судьбой. Эти подруги, в конце концов, и нашли мне пару. Состоялись смотрины.

Он тоже пришел с мамой. Точнее, его привела мама. Которая тоже его беспрестанно пилила:

– Пашка, тебе уже тридцать! Пора и о детях подумать!

Он, видать, подумал. И хорошо подумал. Потому что пришел с ней. Ко мне. Выглядело это таким образом. За столом друг напротив друга сидели наши мамы и пили чай. Моя мама нахваливала меня, какая я умница, рукодельница и так далее. Пашина мама также неустанно нахваливала его. Какой он добытчик, трудяга и скромняга. Золото, в общем, а не парень. Удивительно, что такое сокровище до сих пор не окольцевали. Рядом с нашими мамами сидели наши папы и молча пили водку, приглядываясь друг к другу. В плане того, можно ли себе позволить после застолья догнаться в гараже пивком? Полагаю, они единственные в нашей компании вполне друг другу подошли и расставались потом с явной неохотой, когда мы с Пашей развелись.

Я сидела тихо, как мышка, боясь посмотреть на Пашу. Он точно так же боялся посмотреть в мою сторону. Я составила его портрет в основном со слов моей мамы, которая назвала его отличным парнем. Когда я спросила, симпатичный он или нет, мама буркнула:

– Какая тебе теперь разница? Выйдешь замуж как миленькая! В твои двадцать пять не привередничают.

Пашина мама действовала также энергично, и на следующий день мы с ним пошли в кино. Поскольку мне скоро должно было стукнуть двадцать пять, а ему ударило тридцать, процесс его ухаживания надолго не затянулся. Куда уж дальше тянуть? И наши мамы обо всем уже договорились. Обе давно копили на свадьбу. Чтобы все было, как у людей. Оно и было, как у людей. Ничего плохого не могу сказать по поводу своей свадьбы, кроме того, что в лимузине я опять, дура такая, села на солнечную сторону! И уныло подумала: «плохая примета». Окна в лимузине были затемненные, да еще и с занавесками, но я-то знала, что мне досталась солнечная сторона! Что я по-прежнему, увы, неудачница! Несмотря на свое замужество.

Предчувствия меня не обманули: мы с Пашей скоро развелись. Кто тут виноват, не понятно. У нас все было, как у людей, начиная со свадьбы. После которой мы переехали к Паше, в его квартиру. Она была в часе езды от Москвы, где я работала, зато своя. И даже двухкомнатная.

– Повезло тебе с мужем, – сказала мама. – Проблема с жильем у вас решена.

Мне кстати, все так сказали: повезло. И с мужем, и с квартирой, и с тем, что я не осталась старой девой в свои двадцать пять. Всего в часе езды от Москвы.

А теперь прикиньте. Час идет электричка. До которой надо еще дойти или доехать. Пять остановок на автобусе, или двадцать минут пешком, если срезать. И идти быстрым шагом. Электричка приходит на Ленинградский вокзал. Далее метро, пять остановок. И еще минут десять пешком до моей работы. Учитывая, что общественный транспорт это не конвейер, с паузами ожидания очередного турникета набегает все два часа. Два часа туда, столько же обратно. Итого четыре часа в день!

Когда я подсчитала, сколько времени трачу на дорогу, то пришла в ужас. Я уж молчу об этих пригородных электричках, набитых торговцами, попрошайками, доморощенными музыкантами и просто бомжами. Хорошо, если вам охота слушать «Таганку» под аккомпанемент бубна с баяном, или скупать всякое барахло. А если вы видите этих людей изо дня в день?

– Люди добрые, помогите! Сын со снохой поехали в Тамбов за картошкой, по дороге попали в аварию. Я бедная пенсионерка, инвалид второй группы. У меня нет денег, чтобы забрать детей из морга, внуки плачут, хлеба купить не на что…

За те три месяца, что я видела эту тетку, ей (надо заметить, потрясающей актрисе) столько надавали, что можно было весь морг вывезти из Тамбова и похоронить на Новодевичьем. Я, кстати, тоже дала сотню. Мужчина, который сидел рядом, посмотрел на меня с осуждением. Через месяц и я стала смотреть с осуждением на тех, кто после этого заунывного теткиного монолога на слезах, лез в карман за сотней или полтинником. И отворачивалась к окну, потому что мне было стыдно за эту женщину. Но не все были такие застенчивые, как я. Однажды моя соседка не выдержала и выпалила:

– Женщина, да как у вас только совести хватает! Вы уже полгода здесь ходите! Вас уже все в лицо давно знают! И ваше вранье!

– А ты меня не стыди! – огрызнулась попрошайка. – Знали бы – не подавали. А я и сегодня не внакладе. – И в доказательство своих слов она тряхнула целлофановым пакетом, полным бумажных купюр. Мелочь «на похороны» подавать почему-то стеснялись. Люди жмутся при жизни и на жизнь, а «гробовые» – это святое. Совершенно непонятная мне логика, но человек вообще существо загадочное.

Можно, конечно, нацепить наушники и слушать хоть Моцарта с Вивальди, хоть галимую попсу. Да хоть «Анну Каренину», если охота. Все так и делают. Мы постепенно превращаемся в страну глухих. Каждый сам по себе и не обращает никакого внимания на окружающих, просто-напросто их не слышит. Он в наушниках.

Но через пару лет в наушниках я поняла, что тоже глохну. Хотя лор, проверив мой слух, сказал, что все в полном порядке. Уж я-то знала: не в порядке. Потому что когда я снимаю наушники, звуки окружающего мира безнадежно тусклые, приглушенные, а еще донельзя раздражают. Я плохо слышу без своих наушников и начинаю злиться на всех без исключения за их тупость, дальше-то что будет? Ведь мне и тридцати еще нет. Я так и сказала лору, который направил меня к психиатру. Туда я, конечно же, не пошла, просто попыталась приспособиться. Слушать музыку одним ухом, а другим – всю ту белиберду, которую несут окружающие меня люди. Вот им точно к психиатру.

– Так мы хоть куда-то выйдем, а туда, куда мы пойдем?

– А ты ему сказала, чтобы он тебе этого не говорил?

– Классно сделать селфи в смерче, и чтобы подкинуло повыше…

– Меня все в нашей группе бесят. Кроме тебя. И ты меня иногда бесишь, но другие бесят больше, поэтому я с тобой и езжу. А тебя кто бесит? Я? А почему ты со мной ездишь? Потому что все бесят? Вообще все?

Тут уж я не выдерживала и закрывала уши полностью. Чтобы кого-нибудь не убить. И так по четыре часа в день!

Раньше я жила с мамой у метро. Там тоже маргиналов хватает, но с пригородной электричкой не сравнить. Туда набивается столько алкоголиков и сумасшедших, что начинаешь видеть мир как одну огромную лечебницу для всякого рода извращенцев и поневоле тосковать по отдельной палате. В конце концов, мое везение меня достало. И Пашу тоже. Хотя поначалу муж против моей работы не возражал. Ему даже нравилось, что я работаю в офисе. И мне нравилось.

Работать в офисе – это работать в офисе. Не на морозе, не на кассе и не за прилавком. Все мечтают работать в офисе. Сидеть в тепле и целый день таращиться в компьютер. А что там, в мониторе, квартальный отчет или пасьянс «Косынка», по выражению лица офисного работника ни за что не поймешь. У всех вид деловой, все гонят план.

Первые полгода работы в офисе я еще была наивной дурочкой. Я действительно работала. Офисная работа вся состоит из авралов.

– Соня, это срочно! – И мне на стол ложилась грозная бумага. Или начальник вызывал к себе и начинал орать, что все вы здесь ни хрена не делаете, а работа меж тем стоит на месте. И ему надают по шапке, а премии никому не будет. И я кидалась гасить пожар.

Вечером я, чрезвычайно гордая собой, докладывала об успехах, уверенная, что теперь-то, благодаря мне, у всех будет премия. И слышала в ответ:

– Аа-а-а… Сонечка, это уже не срочно. Займись-ка лучше этим. – И новая грозная бумага ложилась ко мне на стол.

На следующий день, где-то к обеду, опять разражалась буря:

– Как?! Ты это еще не сделала?! А чем же ты весь день занималась?!

Как будто неизвестно, что рабочий день в офисе начинается с кофепития! Утомительная дорога, толпа в метро, промозглая погода, или, напротив, аномальная жара. Москва – город природных катаклизмов. То снег, то ветер, то звезд ночной полет. И все они норовят упасть тебе на голову. В Москве чего только не падает с неба! При мне идущей впереди женщине упала на голову оторвавшаяся от карниза сосулька. Я сама вызывала «скорую». С тех пор хожу,

съежившись и озираясь по сторонам. И даже время от времени снимаю наушники, чтобы услышать падающую сосульку или съезжающую с карниза снежную глыбу. И так чуть ли не каждый день! Залить пожар негодования утренней чашкой кофе – это святое. Потом начинается бурное обсуждение новостей.

Подумать только! Эта серая, суетная, беспросветная с точки зрения каких-нибудь перспектив унылая жизнь, оказывается, до отказа наполнена событиями! Где-то женятся, разводятся, отчаянно скандалят, убивают и даже взрывают. Выбирают президента, проводят глобально значимые референдумы, воюют, ловят террористов, расстреливают заложников, насилуют и грабят… Причем делают это каждый день! Иной раз по нескольку раз в день! Я уж не говорю о наводнениях и землетрясениях. Словом, народу есть что обсудить. А вы говорите:

– Чем ты весь день занималась?

Хорошо бы успеть обсудить все самые горячие новости к обеду. А потом, о сладкий миг! Магнитная карта касается турникета и раздается самый радостный в мире звук. Открываются врата рая, выпуская тебя на свободу. Целый час в торговых рядах, глазея на витрины, или поедание салатика в кафе, глазея на прохожих. Кто как во что одет.

После обеда можно, конечно, поработать. И даже нужно. Но горький опыт меня давно научил: Соня, не суетись. Начальники сами не знают, что им надо. Главное, срочно. Никто в этом городе не работает, а, возможно, и во всей стране. Ведь мы идем не по пути прогресса, а по пути регресса. Жить-то все хуже и хуже. Разве это возможно, когда люди с утра до ночи трудятся? Поэтому я выслушивала очередные угрозы молча, брала бумажку, клала ее на стол, по правую руку, и спокойно запускала какую-нибудь «Косынку». Пару раз ко мне подходили:

– Ну что? Сделала уже?

– Делаю. – И я с озабоченным лицом щелкала мышкой.

– Молодец! Трудись!

В конце рабочего дня мне, как обычно, сообщали:

– Уже не срочно. Рассосалось. Займись-ка лучше этим. Но это срочно.

– Ага.

Через год обо мне сказали: ценный сотрудник. Всегда успевает в срок. Это совсем не проблема, когда сроки постоянно отодвигаются. А если вдруг выясняется, что работа не сделана и деньги потрачены неизвестно куда, тут же находится какой-нибудь коррупционер или даже группа коррупционеров. Ни черта не делают все, но отвечает кто-то один. И все его ругают. Называют ворюгой. А себя жалеют. Кто-нибудь, когда-нибудь осудил какого-нибудь секретаря, клерка или кадровика? Мелкую сошку, которая ежемесячно получает свои копейки? Мы достойны жалости. Хотя бы за то, что дважды в день штурмуем переполненные вагоны метро или пригородной электрички.

Мне очень нравилась моя работа. Но дорога… После того как я вышла замуж, моя жизнь сильно осложнилась. И это все заметили.

– Что с тобой, Соня? Ты плохо выглядишь.

– Ты не беременна? Выглядишь неважно.

– Что-то ты похудела.

И так далее. Это меня электричка доконала. И марш-броски на железнодорожную станцию. Двадцать минут пешком, с утра. В городе природных катаклизмов. Я стала замечать, что в Москве гораздо теплее, чем в пригороде. И не так ветрено. И вообще метро – это классно! Я было приуныла, но тут вмешался Паша.

Он целый вечер сидел на диване, в углу, и, вооружившись калькулятором, делал какие-то подсчеты. А когда я уже собиралась идти спать, муж сказал:

– Соня, я сделал вывод, что твоя работа нам не выгодна. Вот посмотри…

Мне не надо было смотреть его выкладки, я этот вывод сделала давно. Три вида общественного транспорта, причем, не полностью московского. Никакой «Тройкой» тут не обойдешься. Проезд в пригородной электричке все время дорожает, вся область ездит на работу в Москву, заплатят, куда они денутся. Так думает их железнодорожное начальство, постоянно увеличивая количество контролеров. Скоро нас будут обилечивать прямо у дырок в заборе, окружающем платформу. Я от контролеров не бегаю, замужней женщине несолидно, поэтому всегда покупаю билет, а это накладно. Плюс покушать в обед. У нас в офисе не принято приносить еду с собой. Можно, конечно, кофе с бутербродом обойтись, но прогулка в обед по торговому центру не проходит бесследно для семейного бюджета. Иначе умрешь не от голода, от тоски, во всем и всегда себя ограничивая. Таким образом, я трачу около двадцати тысяч в месяц, а зарабатываю двадцать пять, если без премии. Которую в последнее время никому не дают. Это из-за санкций и вездесущей Америки. Сначала исчез пармезан, а вслед за ним и премия. Как будто одно с другим связано! Лично я патриотка и понимаю, что надо, сплотившись, затянуть пояса, но за «жирные» годы во мне успели воспитать потребителя. Который без подпитки новинками превращается в капризного ребенка. Он не хочет ничего знать о политике, он просто ноет: дай!

Я все понимаю, да, кризис, но постоянно раздражаюсь, слыша о громкой свадьбе сына какого-нибудь олигарха, заплатившего американскому певцу миллион долларов за сорокаминутное выступление, или о новой шикарной квартире звезды отечественного шоу-бизнеса, приобретенной семьей селебретис в Майами или Тель-Авиве. Терпеть так всем. А то получается, что народ повернулся к Америке спиной, над которой возвышаются головы широко улыбающейся элиты. А лично я почти всю свою зарплату трачу на дорогу и обеды. Обидно.

– У тебя не остается времени на готовку, – нажал муж. – Мы заказываем на дом пиццу и суши. И перекусываем в кафе.

Ха! Готовка! Я прихожу домой в восемь вечера, измочаленная электричкой и маргиналами в метрополитене! Мне что, еще надо после всего этого варить щи и крутить фарш для котлет? А в выходные я тоже хочу поспать. Имею законное право. Муж, между прочим, тоже не собирается посвящать эти святые дни уборке. У него футбол или посиделки в спорт-баре с друзьями. Машина, которую надо мыть и чинить. Мама, которую надо навещать. У нас разные мамы, каждой нужно внимание.

Не знаю, как я позволила мужу себя уговорить?

– Ты все равно скоро станешь матерью, – сказал мне Паша. – Надо отвыкать от работы.

– Ты что, гинеколог? – съязвила я, не удержавшись. – Уже знаешь, что я беременна!

Он отчего-то разозлился.

– А разве замуж выходят не для того, чтобы иметь детей? – Муж смотрел на меня с таким видом, будто я понапрасну занимаю место в его чудесной двухкомнатной квартире.

Я-то в отличие от него прекрасно знала, что не беременна, потому что пила противозачаточные таблетки. Стоило мне только подумать, что так будет всегда. Я и Паша, в этой квартире, потому что купить другую нам не светит. Да и какую другую? Эта ведь двухкомнатная! Даром что до станции пять автобусных остановок!

Наше с ним будущее… Перепачканные калом памперсы, бутылочки со смесями, засаленный домашний халат. Очереди в детских поликлиниках, потому что сейчас все рожают. Детей столько, что лично меня оторопь берет: куда их всех распихают? В какие садики и школы? А потом еще и институт! И я в этой бесконечной очереди, за прививками, за местом в ясли, в класс к хорошему учителю, в очередь к репетитору по английскому и по химии. Или по физике. Не важно. Главное, в очередь. С деньгами, которые заработает Паша. А если не заработает? Не очень-то он преуспел к своим тридцати годам. И судя по всему, уже не преуспеет.

Элита ведь тоже детей нарожала. Известные актеры, звезды шоу-бизнеса, богатые бизнесмены, влиятельные чиновники. Не пойдут же их дети работать в Макдоналдс или супермаркет на кассу? Не то, что социальный лифт давно уже не работает, а и на верхних этажах такая давка, того и гляди, обвалится потолок!

Стоило мне об этом подумать, и рука сама тянулась к блистеру с таблетками. Кстати, я их и не прятала. Они лежали на видном месте, на моей полке, странно,

что моему мужу понадобился год, чтобы их найти.

Хотя… Он ведь никогда мною не интересовался. Как я провожу время без него, куда хожу, с кем встречаюсь. Каждый месяц Паша спрашивал:

– Ты не беременна? Давай, поторопись, тебе уже двадцать пять!

До моего дня рождения оставался месяц, но муж все равно говорил: двадцать пять. А его день рождения мы отметили два месяца назад, но Паша на вопрос, сколько ему лет, все равно отвечал: тридцать. Странная логика. Или это мужская логика? Возраст женщины – средство для ее устрашения. Поторопись! А для мужчины медаль на грудь: да разве же это возраст? Тридцать, сорок, пятьдесят… Хоть завтра в ЗАГС. Товар ходовой – разберут.

Мы просто не любили друг друга, вот в чем все дело. Мы стали заложниками ситуации. Стереотипов. Надо, значит, надо. Надо замуж. Надо жениться. Надо ребенка. Надо порадовать маму, которая хочет увидеть внуков.

Когда мы разошлись, меня никто не понял. Подчеркиваю: меня.

…Нас всех объединяет то, что мы обожаем мечтать. О том, где бы мы жили, если бы у нас были деньги и был выбор. Куда бы мы поехали, что купили. Об интересных людях, с которыми могли бы познакомиться, если бы ходили в такие же интересные места. О той красоте, которая, как говорят, повсюду нас окружает. Только стоит денег. Которых у нас, увы, нет.

Этот дом был очень красивый. Можно сказать, новостройка. Что такое десять лет? Бизнес-класс. Сорок этажей, на последних – огромные квартиры с панорамными видами. С роскошными лоджиями, все – с чудесным видом на парк. И эти окна… Трехметровые потолки, так что вы себе представляете эти окна! Я никогда не мечтала об Остоженке, или об особняке на Рублевке. О Кутузовском проспекте и о Тверской. Мне нравился этот дом. Мне всегда казалось, что там живут какие-то особенные люди. Особенно в тех квартирах, видовых. Люди, с которыми я никогда не познакомлюсь и не узнаю, как они живут. Потому что они вряд ли до меня снизойдут со своих тридцатых и сороковых этажей. Из пентхаусов, которые словно парят над Москвой, выше только небо.

В конце концов, я обратила на нее внимание. На эту квартиру. Не могла не обратить. Там все время горел свет, во всех окнах. Да что там свет! Он был непривычно яркий, настоящая иллюминация! Я специально ходила мимо этого дома днем. И свет в окнах горел. Он не выключался никогда, даже на секунду. Сколько же надо зарабатывать, чтобы совсем не экономить на электричестве? Ну ладно, круглосуточно свет на кухне. Или в зале. Или в спальне. Но ВЕЗДЕ?

Мне стало жутко любопытно. Я жила на съемной квартире вот уже три месяца. Работала на дому и купила абонемент в фитнес-клуб, чтобы не сойти с ума от постоянного пребывания в четырех стенах. Собственно говоря, я могла выбрать любой клуб, подешевле и поближе к дому. Но в этом клубе был огромный бассейн, спортивный. Вот из-за бассейна…

Сначала я смотрела на эти окна по дороге туда. Это было не очень удобно, потому что приходилось все время оглядываться. Зато когда я шла оттуда, я видела эти окна во всей их красе. Целых пятнадцать минут, пока не сверну на троллейбусную остановку. Свет горел всегда.

«Да наплевать мне на это», – уговаривала я себя. «Что мне за дело до этих людей? Которые сутки напролет бессовестно не экономят электроэнергию».

Но дело в том, что эти окна были самые яркие в моем любимом доме. И в моей жизни. В конце концов, мне стало казаться, что это маяк, специально для меня зажженный на тридцатом этаже. Однажды я остановилась и, делая вид, что поправляю сумку на плече, точно высчитала этаж. Тридцать седьмой. Мне показалось, это знак. Мне двадцать семь. Да плюс десять. Бред, скажете вы? Но дальнейшее развитие событий показало, что знаки Судьбы – это вовсе не бред. На свете много непонятного и совершенно мистического. Самых невероятных совпадений и знаков. Надо просто уметь мечтать.

Это случилось под Новый год…

Виталина

– Даже не думай, у него трое детей.

Вот люди! Все-то у вас посчитано! А если бы было двое? Тогда, выходит, можно? И думать можно, и планы строить на жизнь. Но трое – это как шлагбаум на въезде в заповедную зону: даже не думай. Его жена, эта типичная «яжемать», точно все рассчитала. Трое детей – и он никуда уже не денется. Можно позволить себе расслабиться, перестать ходить в фитнес-клуб, жрать, сколько захочется, седину не закрашивать, с морщинами не бороться при помощи уколов гиалуроновой кислоты. Трое детей – это как непробиваемый щит. Я многодетная мать! Не просто «яжемать», а многодетная! Кто кинет в меня камень – тот бессердечная сволочь.

С моими деньгами я могла позволить себе любого мужчину. Но в том-то и дело, что когда уже нет необходимости себя продавать, хочется по любви. А любовь это… Словом, черт знает, что такое. Невозможно объяснить, почему один мужчина тебе нравится, а другой нет. А по третьему ты просто с ума сходишь, несмотря на то что у него аж трое детей от другой женщины. От жены.

Я попыталась это понять: почему именно он? И как избавиться от наваждения? Я всегда была умной девочкой, рано повзрослела, очень быстро научилась зарабатывать на жизнь, а потом и преуспела в этом. По большому счету я не сделала ни одной большой ошибки к своим тридцати девяти годам. Так, по мелочи. Это были настолько несущественные ошибки, что они не помешали мне набить валютой несколько банковских ячеек. Уж с такой проблемой как любовь я легко должна разобраться. Это всего лишь чувства. Эмоции. С которыми я давно уже научилась справляться. Мне просто надо вспомнить…

…Комната в коммуналке. Сейчас их почти уже нет, этих коммуналок. А тогда были сплошь и рядом. В моем далеком детстве. Их давали от завода, или, как моей матери, от школы. Моя мать была техничкой, поэтому квартира ей не полагалась. Учителям едва хватало, молодым специалистам, а тут какая-то техничка! Квартиру ей будет жирно. Обойдется комнатой. Чтобы было кому мыть полы в гулких школьных коридорах и нажимать на дребезжащую кнопку звонка, подавая сигнал к началу занятий.

Отца у меня не было. Знаю только, что его звали Виталием. Он исчез еще до моего рождения, кажется, сел. Да так и сгинул. Мать назвала меня в честь него, и отчество дала его. Так что в детстве я была Виталиной Витальевной. Звучит ужасно, но моя мать, техническая служащая в единственной школе заштатного провинциального городка, этого не понимала.

Воспоминания о родине до сих пор вызывают у меня улыбку. В каждом городе, даже самом крохотном, есть своя достопримечательность. Церковь там, или памятник кому-то из исторических знаменитостей. Но в наш убогий городишко никто из них не забредал. Вообще никто. Поэтому нашей главной достопримечательностью был мост. Да-да, мост. Через реку. Потом, когда каждый городок стал выпускать к своему юбилею магнитик с изображением отличительного признака, по которому место тут же можно было узнать, на нашем фирменном магнитике красовался мост. Не какой-нибудь старинный, а вполне современный, ничем не примечательный, кроме того, что он постоянно ремонтировался, и одна его полоса круглогодично была перекрыта. Наверное, ни один в мире мост водители так не крыли матом, как наш. Тем не менее он был достопримечательностью.

Городок прилепился к этому мосту, как пчелиный рой к стволу березы. В детстве я наблюдала такую картину: пчелы роились и искали, где осесть. То ли они отдохнуть повисли на этой березе, то ли увидели подходящее дупло. Пчелы висели вокруг мощного древесного ствола, и точно также облепили мост дома в моем родном городишке. Роль пчелиной матки, разумеется, выполняло здание городской администрации. Потом появилась другая пчелиная матка: новенькая поликлиника. И домишки снова начали роиться, расползаясь поближе к ней.

Даже в этом убогом месте меня жалели. Я ведь была дочерью технички. И жила в коммуналке. Ела хлеб с маргарином и всегда оставалась после занятий мыть полы. Но зато мне повезло с соседями. Точнее, с соседом. Его звали дядя Слава. У него было трое детей. Старшая – моя ровесница. Поэтому мне перепадали ее вещи, которые я донашивала. А все вещи у нее были хорошие, дядя Слава даром что жил в коммуналке, он одним из первых в нашем городишке стал «челночить». В четверг, субботу и воскресенье жена дяди Славы стояла на вещевом рынке. Дела у моих соседей шли в гору. За два года до того, как я окончила школу, дядя Слава купил хороший дом и вместе со своей семьей переехал туда.

Я даже поплакала. Дядя Слава жалел меня больше всех. И иногда привозил мне вещи. Мне, понимаете? Его дочь занималась с репетиторами, ее тянули на золотую медаль, а мне позволено было сидеть в уголке и слушать. Дочка моего благодетеля была туповата, зато мне Господь подарил прекрасную память. Моей задачей было запомнить все то, что говорил репетитор, а его туповатая ученица не успела или не захотела записать. Мне тетрадки и ручки не полагалось, не моя ведь мать платила за эти занятия. Я все запоминала. Потом повторяла

неоднократно своей соседке, чтобы и та запомнила, и попутно разжевывала. Постепенно я привыкла получать сверхурочные знания, и когда дядя Слава со своей «золотой» дочкой переехал, я перебазировалась в городскую библиотеку.

Дочка дяди Славы (я теперь даже и не вспомню ее имени) долго искала себя. То она хотела стать врачом, то переводчиком, то актрисой. Поэтому мне перепал отличный курс химии, вполне неплохой – биологии, достойный – английского и итальянского, да еще уроки актерского мастерства. Километрах в тридцати от нашего моста был настоящий город, большой, красивый, с древней историей. И даже с театром. Денег у дяди Славы благодаря торговле на рынке было полно, и к его дочери приезжала сама ведущая актриса из этого театра, и, между прочим, жена главного режиссера!

Училась я неплохо, хотя на отличные оценки для меня учителя скупились. Ведь моя мама не могла их отблагодарить. Даже из жалости я не стала отличницей. Получала лишь то, что честно зарабатывала. В последний год подрезали с медалью. Что поделаешь: лимит. В городе хватает достойных людей, у которых есть дети-выпускники. Зато я осталась твердой «хорошисткой». А моим знаниям могли позавидовать все медалисты распавшегося к тому времени СССР. Я никогда и не обижалась на оценки. В конце концов, что такое оценки? Кому они потом нужны, во взрослой жизни? Когда я поступала в институт, председатель приемной комиссии с удивлением спросил:

– Девушка, а что вы здесь делаете? Вам в МГУ надо.

Я даже не стала готовиться, когда взяла билет. Это было слишком легко. Но МГУ для дочери технички из города-моста? Не говоря уже об отце-зеке! Биографией, как говорится, не вышла.

– Зря не пошла в Университет, – с улыбкой сказал дядя Слава.

– Мое от меня не уйдет. – И я угадала, потому что второй диплом выдала мне Высшая школа экономики.

– Ишь ты какая! – И он одобрительно покачал головой.

Лишь благодаря ему я попала в Москву и поступила в столичный институт. Дядя Слава вновь появился в нашей коммуналке, когда я достойно перешла в

последний, выпускной класс. Сказал:

– Надо что-то делать с комнатой. Квартирантов, что ли пустить? Они вам не помешают?

Смотрел он при этом на меня. А посмотреть было на что. Может быть, я и одевалась плохо, но природную красоту разве скроешь? Фигура у меня всегда была что надо. Узкая талия, широкие бедра, высокая грудь. Кожа гладкая, упругая, удивительно белая.

– Как ты выросла, Вита, – с удивлением сказал дядя Слава.

Дядя? Ему было тридцать семь в тот день, когда он пришел сдавать свою комнату в коммуналке. Но так и не сдал. Там мы с ним и встречались. Неудобно же в одной комнате с моей мамой, хотя мы никогда не делали это при ней.

– Я бы с удовольствием на тебе женился, Вита, – говорил мне Слава, – но ты же понимаешь: трое детей.

– Шлюха, – шипела мать. – Смотри, в подоле не принеси.

Мне было семнадцать, а на дворе гремели выстрелами лихие девяностые. Слава к тому времени развернулся. Замахнулся на фармацевтический бизнес. Но даже в нашем городишке у Славы хватало конкурентов. После окончания школы мой любовник повез меня в Москву. Снял мне квартиру, помог подать документы в столичный вуз. Он очень много для меня сделал, мой первый любовник. Гораздо больше, чем все последующие.

Есть такое амплуа: жена. У меня есть хорошая знакомая, на которой все хотят жениться, даже не смотря на то что она давно и счастливо замужем. Все равно предлагают. А есть другое амплуа: любовница. Женщина, на которой никогда не женятся. Почему? Совершенно непонятно. Вот я по жизни – любовница. Можно сказать, идеальная любовница. Любовница-мечта. В моем послужном списке блестящая карьера именно любовницы. От просто любовницы до вип. Но повторяю: никто не сделал для меня больше, чем Слава.

Он приехал ко мне на день рождения. Мне исполнилось двадцать. Сказал, в который уже раз:

– Я бы на тебе с радостью женился, Вита. Но ты ж понимаешь.

И посмотрел на меня как-то грустно. И я вдруг поняла, что это он не о жене. И не о своих детях. Потом Слава дал мне большой тугой сверток. Сказал:

– Здесь пятьдесят тысяч долларов. Сохрани это. Никто не знает, зачем я почти каждую неделю езжу в Москву. В городе думают, что ты просто подруга моей старшей дочери.

Надо отдать должное моей матери: она была не болтлива. А я так вообще нелюдима. С детства я усвоила: люди – враги. Город – лес, а большой город – джунгли. Надо не жить, а охотиться. Иначе сама станешь добычей. Я, можно сказать, вырвала у судьбы свои знания, воспользовавшись нерасторопностью Славиной дочки. Я урвала его ласки у его жены. Воспользовавшись своим преимуществом над нею: молодостью и красотой. У меня не было детства. В семнадцать я стала любовницей женатого мужчины, отца троих детей. А до того помогала матери мыть пыльные, пропахшие едким потом школьные классы. А по утрам лестничные клетки пропитанных кошачьей мочой подъездов. Нам всегда не хватало денег. У техничек была крохотная зарплата. Сколько они получают сейчас, я не знаю, да и не хочу знать. Все это от меня теперь очень далеко.

Я взяла у Славы пятьдесят тысяч долларов, а буквально через неделю его расстреляли у самых ворот его шикарного дома. Хладнокровно, в упор. Потом долго допрашивали его жену: где деньги? Угрожали, шантажировали детьми. Их похищением и убийством. Она отдала все. Все деньги и весь бизнес. И осталась жива.

А у меня остались Славины пятьдесят тысяч долларов. Был благой порыв: поехать к его жене и отдать эти деньги ей. Ведь у нее дети. Потом я поняла: отдать ей, значит, отдать им. Тем, кто его убил. Потому что они Славину семью в покое не оставят. Так и будут пасти. Они ведь догадываются о том, что Слава отдал не все. И как только у его вдовы появятся деньги, появится и повод ее прессовать. И будет только хуже.

Я себе сказала: потом, Вита. Ты им поможешь, в память о Славе. Когда все утрясется. Когда пройдут годы и все забудется. Когда этих подонков самих постреляют.

Я даже на похороны его не поехала, чтобы не привлекать внимания. Я знала: Слава меня простит. Он единственный меня любил. И действительно, хотел на мне жениться. Слава дал мне хороший старт. Когда хозяева квартиры в очередной раз пришли ко мне за деньгами, я предложила купить у них эту квартиру. На дворе был кризис, самый его разгар. Люди метались в панике, теряли работу, теряли все свои сбережения.

Хозяева тоже дрогнули. Я ведь предложила им доллары. Валюту. И это в то время, когда банки лопались, как мыльные пузыри! А в магазинах каждый день переписывали ценники. Когда люди коробками тащили домой макароны и сахар со спичками в полном неведении, что же будет дальше? И валюта, наличка, была в этом бушующем мире единственной ценностью. Однушка у метро досталась мне сказочно дешево. Потом, в жирные нулевые я продала ее по цене виллы в Испании. Когда толпы народа хлынули в Москву в погоне за новенькими хрустящими нефтедолларами. За сытой жизнью и кучей развлечений. Москва, мать ее!

В течение полугода я купила еще две дешевые квартиры, одну в Москве, на самой окраине, другую в пригороде. И стала их сдавать. Этих денег мне вполне хватало на жизнь. А когда кризис рассосался, появился другой, не менее доходный бизнес. Купить квартиру на нулевом цикле, а потом наблюдать, как отрастают квадратные метры и, соответственно, твои деньги.

Последнюю квартиру, видовую, площадью сто сорок квадратных метров я тоже купила на нулевом цикле. А заодно и машиноместо в подземном паркинге. В то время у меня был мой самый богатый любовник, тот, кто подарил мне при расставании «золотой парашют»…

Соня

– Мы с Колей уезжаем на Новый год к его родителям, на Алтай. Квартира в полном твоем распоряжении, – сказала мне Оля и заговорщицки подмигнула:

пользуйся, мол.

Я кивнула, заранее тоскуя. С тех пор как Паша вышвырнул меня из своей чудесной квартиры, у меня никого не было. Да и до Паши тоже. Честно сказать, я до ужаса боюсь мужчин. Я и мужу-то не смела сказать, что мне не нравится, когда он целует меня в шею. Щекотно и мокро. Я молча и закрыв глаза, вытерпела все, что он со мной делал. С тех пор боюсь мужчин еще больше. Со мной никто никогда не знакомится, на меня вообще не обращают внимания. Не сказать, что я очень уж некрасивая, просто никакая. Не умею ни краситься, ни одеваться. За всю жизнь никто из парней ни разу не попросил у меня номер телефона. И видно, уже не попросит. Но сказать об этом маме – дать лишний повод поскандалить. Зачем ты, вся такая никому не нужная, ушла от Паши, который хотел от тебя всего-то ребенка и помощь по хозяйству? А Оле – дать повод меня лишний раз пожалеть. Все еще одна, бедняжка! А я и так уже устала и от скандалов, и от жалости.

Поначалу от Паши я переехала к маме. Мы протянули вместе всего три месяца, беспрерывно ругаясь.

– Хоть бы ребеночек был, – ныла мама. – Какая же ты дура, Сонька! И зачем ты только пила эти таблетки?!

Лучше бы спросила: зачем ты бросила работу? Потому что, когда я захотела вернуться на прежнее место, мне сказали:

– Сонечка, мы тебе ужасно рады, но твое место пока занято. Подожди, пока девочка уйдет в декрет. Она недавно вышла замуж.

Но девочка, видать, была гораздо умнее меня. Потому что работу не бросила, несмотря на выкладки своего мужа, невыгодно, мол, и противозачаточные таблетки девочка прятала, а не бросала блистер на самом видном месте. Я подождала месяца три, но потом поняла, что это бесполезно. Девочка в декрет не собирается. Надо пока искать другую работу. Мама меня просто доконала, каждый вечер допрашивая:

– Ну, как?

– Жду, – коротко отвечала я.

Потом пыталась абстрагироваться, слушая очередную нотацию. Сидишь на шее, работать не хочешь, ребенка рожать не хочешь, с мужем жить не хочешь, нормальный, между прочим, парень. В кого я тебя только такую родила, никчемную?

В конце концов, мое терпение лопнуло. В это же время одна из моих знакомых по прежней работе устала скандалить со своей матерью. Но уже по другому поводу. После свадьбы они с Колей переехали к ее родителям, в старую трешку. Народу там набилось предостаточно: Оля с Колей, ее родители, брат-школьник и восьмидесятилетняя Олина бабка, которой вследствие ее маразма и недержания мочи полагалась отдельная комната. Так что Оле с Колей приходилось делить жилплощадь с ее младшим братом, который был любопытен, как все подростки в период полового созревания. Молодые было перебазировались на крохотную кухню, чтобы была хоть какая-то личная жизнь, но Олин папа вставал на работу в шесть утра. И разумеется, шел на кухню завтракать. Молодожены совсем измучились. Да еще и мать постоянно пилила Олю:

– Не могла себе москвича найти! Живем друг у друга на головах! Посмейте только ребенка родить! Ты выпила противозачаточные таблетки?

Мы с Олей пожаловались друг другу на жизнь и решили снять квартиру.

– Однушку нам с Колей не потянуть, – сказала Оля. – Но мы можем на паях с тобой снять двушку у метро.

С некоторых пор слово «метро» стало для меня волшебным, и я без колебаний согласилась. Тем более что мне подкинули деньжат. Мама вовсе не преувеличивала, нахваливая мое рукоделие. Я с детства этим балуюсь. Плетением из бисера, вышиванием и рисованием по ткани. Некоторые украшения у меня получаются. Еще я разрисовываю холщовые сумки, делаю всякие модные фенечки для молодежи, расписные шелковые платки, шью кукол и мишек. Раньше это было для меня хобби, но когда Паша уговорил меня бросить работу, я зависла на бисероплетении всерьез. Некоторые даже называют мои украшения стильными. Во всяком случае, они нестандартные и ни на что не похожи. С недавних пор я в ожидании работы распихиваю свои «шедевры» по лавкам, торгующим изделиями «хэнд мейд». Иногда это покупают. Заработок нестабильный, но это все же лучше, чем ничего.

Квартирка, которую мы сняли, оказалась крохотной, но там было все, что нужно. Ванна почти что сидячая, но и я не великанша. Сойдет, лишь бы каждый день не выслушивать мамины нотации. За три месяца я не разочаровалась в том, что переехала, хотя честно предупредила Олю, что могу подвести с квартплатой.

– Ничего, я тебя прикрою, – заверила та. И когда в следующем месяце, я, как и обещала, подвела, Оля сама расплатилась с хозяевами и записала за мной долг.

К Новому году мне повезло. Народ мечется по магазинам в поисках подарков и нарядов для корпоративов. К платью, как известно, полагаются украшения. Да и с витрин в азарте сметают все, что залежалось. Поэтому и мне удалось кое-что продать. Я отдала Оле долг, им ведь на Алтай лететь, да еще осталось на продукты к новогоднему столу. Печально только, что поедать эти деликатесы мне придется в гордом одиночестве.

Маме я соврала, что встречаю Новый год с соседями, Оле наврала, что с парнем. На вопрос «где вы познакомились?», я сказала:

– В фитнес-клубе.

Олю это не удивило. Сама она на фитнес не ходит, но уверена, что лучшего места для знакомства с парнем и не найти. Их там пруд пруди, этих мачо, и все в свободном поиске. Тридцатого декабря я даже поехала туда, чтобы это проверить. А вдруг я чего-то не замечаю?

Должно быть, к тридцатому декабря все, кто были в поиске, уже определились, с кем будут встречать Новый год. Все, кроме меня. Унылая, я стояла под «своими» окнами. Там с утра горел свет. С моего раннего прохода «туда». Я почему-то была уверена, что свет и ночью не выключался. Это уже стало для меня своего рода игрой. Иногда я совершала спонтанные вылазки, не в клуб, а именно к «своим» окнам. Мне хотелось застать хозяев врасплох. Но они всегда оказывались хитрее. Когда бы я ни пришла, свет в «моих» окнах горел.

Утром Оля с Колей улетели на Алтай, и я как никогда остро ощущала свое одиночество. Как же быстро я деградирую! Я легко стала врать, а ведь раньше говорила только правду. Я стою под чужими окнами и мечтаю о том, чтобы войти в чужую квартиру. Поговорить с этими странными людьми. Мне все больше интересно: почему они не гасят свет?

Так, в раздумьях, я добрела до метро. Вообще-то я пользуюсь общественным транспортом, но сегодня тупо убивала время. Гонялась по магазинам за деликатесами и шампанским, которые были мне нужны, и дважды клала деньги на мобильный телефон, будто ожидала кучу поздравительных звонков. А не один от мамы и эсэмэску от Оли: «долетели все нормально с наступающим!» Можно, конечно, зайти в личный кабинет и положить деньги на телефон по Инету, но это занимает считаные минуты и потому неинтересно. А вот потолкаться в магазинах под Новый год и поглазеть, как люди все подряд сметают с витрин – это на весь день.

В последнем магазине уже на кассе мой взгляд наткнулся на пачку лотерейных билетов. В глаза бросилась шапка: «1 миллиард рублей». Ниже, правда, было написано, что суперприз 300 000 000. То есть, миллиард выиграть нереально, призовой фонд поделится на всех, кто хоть что-то выиграет. Я и без того давно знаю, что государство не обманешь. В лотерею я не играла ни разу в жизни. Но в магазине связи в эти предновогодние дни была толпа, и все с дурацкими вопросами, поэтому я, томясь в ожидании своей очереди, прочитала все, даже мелкие буквы. Тираж должен был состояться в прямом эфире 31 декабря. В 20.00.

Я вдруг подумала, что можно целый час не просто тупо таращиться в телефон, жуя оливье с мандаринами и ожидая новых фоток в Инстаграм, чтобы их «отлайкать», а получать массу разных эмоций. И час пролетит незаметно. А там можно с чистой совестью выпить шампанского с радости, а скорее, от горя, что кто-то выиграл миллионы, а тебе опять достался шиш, отзвониться маме с Олей, и вот он, Новый год! И это удовольствие эмоционально скоротать время до боя курантов можно получить всего за сто рублей!

Цена меня устроила, но, уже взяв билет в руки, я вдруг засомневалась.

– Это надо заполнять и куда-то отсылать? – спросила я у взмыленного паренька на кассе.

– Оба поля уже автоматически заполнены компьютером, – бодро отреагировал тот. – Таким образом, эти билеты автоматически уже участвуют в лотерее. Если будут куплены. – И счастливый обладатель бейджа «Тарас» посмотрел на меня с таким видом, будто после этих слов я должна немедленно купить всю пачку.

– Хорошо. Дайте мне… один.

– Возьмите больше. Всего-то сто рублей!

И он, не спрашивая, отсчитал мне пять штук вместо сдачи. Я ведь дала тысячу рублей, а попросила положить на телефон пятьсот. Слова возмущения застряли у меня в горле, потому что к кассе рвалась какая-то тетка, готовая снести и меня, и прилавок, и взмыленного Тараса.

– Так скока ж это стоит, сынок? – И она рубанула воздух какой-то пестрой коробкой, чуть не заехав локтем мне в ухо.

Я поняла, что четыреста рублей почти уже потеряны и поспешила ретироваться подальше от тетки. Я уже знала на горьком опыте, что такие вот особи страшнее ядерной войны. Они перебегают зебру исключительно на моргающую зеленую стрелку, доводя водителей до истерики, первыми сидят с каменными лицами у дверей любого кабинета (мы все только спросить) и, прежде чем отойти от кассы в супермаркете, придирчиво проверяют чек. И всегда находят повод задать вопрос: а почему…? После этого начинается отчаянная ругань с кассиршей, а ты стоишь, как полная дура, со своим батоном и жвачкой, в томительном ожидании, когда же эти две мегеры выпустят пар. Я решила, что лучше уж переждать у витрины, пока скандальную тетку отоварят, но когда она отошла от кассы, стоящего за ней паренька уже штурмовала целая толпа. А что вы хотите, Новый год на носу.

Унылая, я брела по улице, переживая, что меня только что кинули на четыреста рублей. Праздник явно не задался. Да еще какой-то урод налетел на меня в подземном переходе, буквально впечатав в стенку. Я вздрогнула, услышав звон стекла, а потом что-то потекло по ногам. «Шампанское», – сообразила я, глядя, как мой обидчик скрылся за стеклянными дверями. А меня опять оттерла толпа.

– На счастье, – сказал кто-то, глядя на мои слезы.

«Счастье» превратило содержимое моего пакета в нечто склизкое и сладкое. Колбасу теперь придется отмывать, прежде чем сварганить из нее оливье, а рыбу есть в соусе из сладкой шипучки. Не совать же под кран с холодной водой вынутую из упаковки соленую семгу? Боюсь, что она вся стечет в канализацию. О батоне я вообще молчу: его теперь можно выбросить. Он не только в шипучке,

но и в пудре из битого стекла. Меньше всего пострадали яйца, которые лежали сверху, в картонной коробке, а больше всего мой бюджет, потому что на вторую бутылку шампанского мне уже не хватит.

Я сварила на ужин два яйца и улеглась в постель, чтобы перед сном как следует пореветь. Яйца опять сварились вкрутую, хотя мне, как обычно, хотелось всмятку. Уму непостижимо, как так получается? Я никчемная тупая идиотка, которую сегодня кинули на четыреста рублей и оставили на праздник без шампанского. От завтрашнего дня я тоже не ждала ничего хорошего, вспоминая сегодняшний!

Утром я пошла в магазин и купила полуторалитровую бутылку пива и батон хлеба. Слава богу, у меня еще оставались креветки! Сладкое шампанское, попавшее в кастрюлю с водой, их уж точно не испортит.

Этот Новый год был худшим в моей жизни в плане стола и антуража. У меня даже не было шампанского! Не говоря уже о парне. И я сидела перед телевизором в домашнем халате. А для кого мне, скажите, наряжаться и краситься? Я была в таком отчаянии, что согласилась бы сейчас даже на Пашу. Он бы мне сделал хоть какой-нибудь подарок. Хотя бы книгу или блокнот. Права была моя мама: кому я такая нужна? Хоть бы ребеночек был…

Я тихонько завыла, но тут начался тираж. Я скулила, пока лототрон выплевывал первые шары. А потом слезы на моих глазах сами собой высохли. Я крайне удивилась. Один компьютер, заполнивший поля моих пяти лотерейных билетов, играл с другим. С тем, который хаотично выплевывал выигрышные шары. Не знаю, может, у них роман, у этих двух роботов? Иначе с чего такой подарок мне?

Нет, я не сорвала джек-пот. Но в одном моем поле было угадано четыре из четырех, в другом три из трех цифр. Когда подсчитали призовой фонд, выяснилось, что по такому выигрышному билету причитается почти семьдесят миллионов рублей!

Поначалу я не поверила. Ведь я даже не зачеркивала сама цифры в этих полях! Я не делала ничего! Абсолютно ничего! Мне просто всучили вместо сдачи эти уже заполненные лотерейные билеты! Потом я подумала, что Господь стал большим шутником. Все вокруг только и делают, что ноют. И просят у него кто что. Деньги, здоровье, за детей. Ноют и просят, просят и ноют. И он просто-

напросто заткнул уши и развлекается. В стране глухих и правитель такой же: глухой.

И тут мне позвонила мама.

– С наступающим Новым годом, Софья, – начала она наставительно. – Желаю тебе в новом году…

– Мама, я только что выиграла в лотерею почти семьдесят миллионов рублей! – выпалила я.

– Сколько ты выпила? – подозрительно спросила она. – Или ты уже подсела на наркотики? О господи!

– Я выпила полбутылки пива, правда, большой. И съела креветки.

– А твои соседи?

– Их нет.

– Как так: нет?

– Они на Алтае.

– Я сейчас приеду! – испугалась мама. Для нее что Алтай, что Марс. И живут там исключительно инопланетяне. Если я вдруг заговорила об Алтае, значит, точно галлюцинирую. – Ты, Сонечка, держись. Похоже, ты отравилась креветками. Я вызову такси.

– Ты даже не знаешь моего нового адреса, – грустно сказала я.

– Немедленно говори: где ты живешь?! – рявкнула мама.

И я сказала. Мне необходимо было, чтобы кто-то вернул меня с небес на землю, объяснив, что я чего-то напутала. И этот выигрыш не мой.

Но, увы! Когда приехала мама, и, померив мне температуру, убедилась, что я не брежу, мы больше часа проверяли и перепроверяли выигравший билет, куда-то звонили и даже писали. И если я не в состоянии за себя постоять, то моя мама из другого поколения и совсем из другого теста. Я даже подозреваю, что она одна из тех ядерных теток, которых я так ненавижу. Всех, кроме моей мамы. Выходит, что у каждой такой тетки есть кто-то, кто ее очень любит? Об этом стоит подумать на досуге.

В угаре мы даже не заметили, как пробили куранты.

– Господи! Надо же было загадать желание! – Мама схватилась за пиво, но тут ее взгляд упал на лежащий рядом со стаканом лотерейный билет стоимостью почти семьдесят миллионов. – Чего ж еще желать-то? – озадаченно спросила она. – Разве мужа тебе? – И она одним глотком выпила теплое пиво.

Я не стала пить за нового мужа. У меня в голове вертелась тысяча вопросов. Где получить выигрыш? Что такое налог и как его платить? В каких купюрах выдают деньги? Влезут ли в банковскую ячейку семьдесят миллионов? А сколько туда влезет? Какие надо выполнить формальности? И главный вопрос: что делать с деньгами?

Виталина

Карьера риелтора меня никогда не привлекала. Я просто решила проблему с жильем и обзавелась источником дохода на черный день. Но сидеть в стороне от кипящего котла, в который превратилась экономика нашей страны на доходах от стремительно дорожающей нефти, было выше моих сил. Даже если сидеть в стороне заграничной, где-нибудь в Европе, или в шезлонге на жарком пляже.

Я решила поискать работу. А кто у нас сидит на деньгах и распределяет финансовые потоки? Разумеется, банки. Это одно и самых доходных мест, если не сумел пролезть в чиновники. Конечно, в солидный банк так просто не устроишься. Нужны связи и рекомендации. Или деньги на взятку. Деньги у меня были. Пока государство не опомнилось и не прикрыло лавочку, я очень ловко продавала свои квартиры и покупала новые, с выгодой. Что касается связей… Вот с этим проблема. С другой стороны, я и не претендую сразу на должность

начальника отдела. Таким как я, беспородным дворнягам с сомнительным прошлым надо запастись терпением. И начинать с самой нижней ступеньки, постепенно поднимаясь вверх по карьерной лестнице.

Мне удалось сесть в кассу. Работа адская, муторная. Двое через двое и с утра до вечера. В субботу, в воскресенье, в праздники… Хорошо, что у меня нет семьи, мужа, детей. Я одна и могу себе позволить любой график работы. Банк открывается засветло, а закрывается уже в полной темноте, на худой конец в сумерках. И все это время приходится сидеть в тесной конуре за бронированным стеклом. Не дай бог ошибиться: валюта. Но я знала, на что иду, и вовсе не собиралась просидеть в этой «золотой клетке» больше года. Мне бы только дождаться очередного корпоратива. Я делала ставку отнюдь не на внешность и умение со вкусом одеваться (спасибо Славе!), а на другие свои таланты.

Я никогда никому не завидовала. Ни Славиной дочке, которой нанимали репетиторов, ни богатым дамочкам, меняющим в моей кассе доллары на рубли перед тем, как отправиться на шопинг, или рубли на доллары, собираясь в очередной раз за границу. Тому, кто не в состоянии о себе позаботиться Господь дал хорошего отца, или заботливую мать. Богатую бездетную московскую тетку или бабушку – вдову академика. А мне он дал привлекательную внешность и феноменальную память, что само по себе немало.

В юности, по глупости, я этим бравировала. Вспомнить скандал с химичкой по прозвищу Селитра, случившийся в девятом классе. Я как-то сказала ей в лоб, при всех, что она нарочно так плохо объясняет материал на уроке, чтобы родители учеников платили ей за дополнительные занятия. За такую правду я тут же схлопотала «двойку». К концу года наш с химичкой конфликт вошел в финальную стадию и мне светила годовая «тройка». Не хотелось портить аттестат. Как-то в запале Селитра сказала:

– Считаешь себя самой умной, Баранова? Тогда садись завтра за кафедру, лицом к классу и напиши мне по памяти за урок все определения из учебника, все формулы и все, что выделено курсивом. И я поставлю тебе за год пять!

Я не выдержала и рассмеялась, чем взбесила Селитру еще больше. А я смеялась над человеческой глупостью. Люди охотно верят в чудеса и обожают читать и слушать о всяких там феноменах. Но им, этим людям, и в голову не приходит, что форма далеко не всегда соответствует содержанию. Они уверены, что феноменальной памятью может обладать лишь какой-нибудь бородатый игрок в

«Что? Где? Когда?» или тощий очкарик, победитель олимпиад. Но никак не белобрысая девчонка с наивными серыми глазами. Да еще и с фамилией Баранова! А моя и без того прекрасная память благодаря ежедневным тренировкам превратилась в отточенный клинок, который разил наповал датами великих и не очень сражений, историческими фактами, физическими формулами, аксиомами с теоремами и еще бог знает чем, что я напихала в свою голову. Разумеется, я получила свою законную годовую «пятерку» по химии. Но с тех пор прикусила язык. Потому что учителя какое-то время бегали за мной по пятам, экспериментируя с моей памятью. Какой объем текста мне по силам? Понимаю ли я то, что запоминаю, или это память чисто механическая? Что я лучше запоминаю, стихи или прозу?

За лето все они успокоились, а я с началом нового учебного года резко «поглупела». Сказала, что это, мол, было возрастное. Как голос у Робертино Лоретти. Все им заслушивались, пока итальянский вундеркинд не повзрослел и у него не стал ломаться его волшебный голос. Большинство из вундеркиндов просто перерастают свой талант, я всегда об этом помнила. Свои сверхспособности лучше держать в тайне и таскать золото из клада потихоньку, а не сразу раскрывать для всех заветный сундук. И я стала, как все.

В институте я, правда, пару раз все-таки сорвалась. Мне ведь не надо было ходить на лекции, лишь почитать в ночь перед экзаменом учебник или чей-то конспект. Преподы очень не любят, когда не ходят к ним на лекции и не записывают их гениальные мысли, но для того, чтобы учиться без троек, учебника вполне хватает. Первая реакция, конечно: ты списала. И начинаются дополнительные вопросы. А я в горячке могу шпарить абзацами, да еще выдать в конце «стр. 125–127». Годам к двадцати я овладела также и искусством быстрого чтения. Просто-таки пулеметного. Мне достаточно было посмотреть на страницу в течение пяти секунд, чтобы выделить главное, отсеять все повторы и то, что несущественно, и забить в свою феноменальную память очередной пороховой заряд. Но преподы в столичных вузах гораздо умнее, чем учителя в провинциальных средних школах.

– На лекции-то вы не ходили, Баранова. Вам просто с памятью повезло, поэтому тройки вам вполне достаточно.

А вот если пару раз запнуться, да пересказать какой-нибудь параграф своими словами, реакция совсем другая:

– На лекции ты не ходила, Вита, но выучила, молодец. Пятерка тебе за старание.

«Старалась» я каких-нибудь пару часов, учебник-то был тоненький. Главное, чтобы об этом никто не знал. Мне вовсе не нужен красный диплом этого вуза. Всего лишь полустанок на перегоне между двумя мирами. В одном живут бедняки, в другом богатые. Мое место в мире богатых людей не по праву рождения, но по праву сильного. Я умею выживать в джунглях.

Карьера женщины целиком зависит от мужчины. Отца, мужа, любовника, начальника. Какую бы должность ты не занимала, выше тебя все равно стоит какой-нибудь мужчина. Даже если ты уже министр. И надо ему нравиться, этому мужчине. Это я усвоила твердо. В моем банке была парочка подходящих кандидатур на роль моего покровителя. Разумеется, все эти мужчины были женаты, но мне-то не привыкать. Красивых девушек в банке работает много, все они ухожены, все прекрасно одеваются. Когда султан обходит свой огромный гарем надо очень ловко упасть ему на руки и сказать что-нибудь запоминающееся. А лучше сделать.

После первого корпоратива меня всего лишь заметили, но не выделили. Я стала иногда пить кофе с начальником вип-отдела. Но кофе с Игорем пили многие, он слыл бабником. Во время одного такого ланча Игорь пожаловался мне на жизнь:

– Представляешь, адвокаты меня развели. Сосед сверху залил и не хочет платить. Телефон не берет, на контакт не идет, акт не подписывает, в общем, посылает. А у меня евроремонт в новой квартире! Я было сунулся к нашему юристу. Но у него куча дел. Погоди, да погоди. А когда время на мои личные проблемы наконец-то нашлось, мне посоветовали забить. К участковому идти бесполезно, в чужую квартиру ломиться тоже. Так можно и самому нарваться на статью о вымогательстве. Я со злости обратился к частному адвокату. Клюнул на бесплатную консультацию. Прихожу – а там трое. Смотрят на меня, словно гипнотизируют: «Вы готовы общаться?» Не знаю, как они меня убедили, но я подписал договор. Заплатил аванс. Пришел домой, прочитал то, что подписал, и взялся за голову. Если я выплачу вторую половину, то, даже выиграв суд, все получит мой адвокат, а я только чувство глубокого морального удовлетворения. А кто мне вернет нервы, потраченные на эту сволочь, моего соседа?

– А ты не отдавай адвокатам оставшиеся деньги, – пожала плечами я. – Останешься в прибыли.

– Но тогда я не получу документы! Они уже составили нужные письма. В департамент жилья, в Генпрокуратуру, претензию моему соседу. И не отдадут мне весь пакет, если не получат всю сумму. А там номера нарушенных соседом статей, правильные формулировки. Суд – дело тонкое. Ты пойми, Вита, мне не столько денег жалко, сколько обидно. Давно со мной такого не случалось. Развели как мальчишку. Меня!

Я мысленно усмехнулась: а ты кто? Чему удивляешься? В банк тебя взяли по блату, и должность ты получил отнюдь не за профессиональные заслуги. Но Игорь был мне нужен, поэтому я предложила:

– Давай я к ним съезжу.

– Ты? – Он откровенно удивился.

– Скажи – приедет секретарша. С деньгами.

– Слушай, я не понимаю… – Он наморщил лоб. – Мне нужны эти бумаги, я за них уже заплатил.

– Ты их получишь, – заверила я.

Адвокатов я оценила мгновенно: акулы. И прикинулась пескарем. Блондинка-секретарша по фамилии Баранова, которую занятый босс послал за какими-то бумагами.

– Деньги привезли? – спросил главный.

– А как же. – Я моргнула густо накрашенными ресницами. – Но я должна хотя бы страницы посчитать, прежде чем отдам вам эти деньги. Мне сказали, их должно быть десять. – И я капризно надула губки.

Их босс понимающе хмыкнул. А его помощник ехидно спросил:

– Сомневаетесь в качестве предоставляемых нами услуг, госпожа Баранова?

Я в одном не сомневалась: моего Игоря развели. Психологическое давление это мощное оружие в руках профессионалов. Эффект неожиданности, полностью перекрытый обзор, когда трое садятся так, чтобы взгляд клиента все время бегал. Перекрестная атака вопросами. Это мешает сосредоточиться. Ловкая игра на чувствах: он ведет себя с вами, как скотина, за человека не считает, неужто вы его не накажете? Потом мягкое: не обязательно вносить всю сумму сразу. Не тысячу долларов, а девятьсот девяносто девять. Главное, вовремя захлопнуть капкан.

– Я в этом совсем не разбираюсь. – Я тяжело вздохнула. – Вы мне просто покажите бумаги, я шапку просмотрю, то это или не то, да пересчитаю страницы.

– Считайте. – Их главный презрительно улыбнулся и положил передо мной пачку документов.

Я взяла их в руки и старательно наморщила лоб. Что такое пять секунд? Особенно когда на мне сильно декольтированное мини-платье. Мужикам есть на что посмотреть, пока я «пересчитываю» страницы.

– Да, все в порядке. – Я аккуратно положила бумаги обратно на стол. Потом с улыбкой встала: – Я больше не сомневаюсь в качестве оказываемых вами услуг. Всего хорошего.

– Погодите… А деньги?

– За что?

– За эти вот документы!

– Они мне больше не нужны. Вы фильм «Щит и меч» смотрели? Про разведчика. Конечно, смотрели. Там есть яркий эпизод, как он запоминал секретные документы. У меня такая же феноменальная память. Здесь указаны три статьи, одна с подпунктом. Первые две страницы каждого из документов вообще идентичны. Полное совпадение семи абзацев. Текст самой претензии написан слабовато. Та часть, где говорится о моральном ущербе. Я напишу это гораздо красочней. Судью надо растрогать. Но в целом, эта ваша работенка и так неплохо оплачена.

Вы бы видели, какие у них были лица! Обалдевшие. Я поняла, что пора уносить ноги, потому что на выходе сидит охранник. Миновать которого для меня не проблема с таким-то декольте и моими потрясающими ногами. Похоже, что он просто отключился минут на пять после того, как я прошла мимо вахты, все охранники обожают мечтать. А тут идет красивая блондинка!

Я услышала, как за спиной зазвонил телефон, и улыбнулась: счастливо оставаться. Меня уже здесь нет.

Вернувшись домой я с легкостью воспроизвела все десять страниц и утром принесла их в кабинет к Игорю.

– Ну ты даешь! – восхищенно сказал он.

Я не стала говорить: да что ты, пара пустяков. Пусть будет должен. И он расплатился. Не прошло и года, как я получила должность персонального менеджера по работе с клиентами в вип-отделе. А это уже совсем другая история.

Соня

Мне повезло, что были рождественские каникулы. Время, которое называется мертвым сезоном для всяких походов по офисам, потому что все они закрыты. Налог на свой неожиданный выигрыш мне тоже негде пока платить. И у меня есть время осмыслить произошедшее. Мне на голову свалились сумасшедшие деньги. Вопрос: как их потратить?

Я прекрасно помнила, как мне внезапно выдали премию на прежней моей работе, в офисе. Дали деньги, когда я уже мысленно с ними простилась. До этого я мечтала. Понемногу обо всем, но когда надежда на премию совсем растаяла, и мечты стали более приземленными. Мне нужны были зимние сапоги, потому что теперь я много ходила пешком, а дороги в области вовсе не такие хорошие, как в Москве. И на мои сапоги, побитые реагентами и суровыми погодными условиями, уже начали коситься. Да и я почувствовала, что они протекают. Если так и ходить дальше с мокрыми ногами, можно заболеть. И вот

мне выдали целых двадцать тысяч рублей, о которых ничего не знал Паша!

Я, измученная долгим «постом», тут же побежала в торговые ряды. Разумеется, за сапогами. По дороге я вспомнила, что давно уже хотела купить синюю тушь для ресниц. Денег у меня в обрез, поэтому я всегда покупала черную. А тут халява! Разумеется, надо себя побаловать!

Потом на ум пришел дорогой крем для лица, который я раньше не могла себе позволить. По дороге в обувной взгляд упал на манекен, одетый в шелковую кремовую блузку. Раньше она тоже была мне не по карману. Мои мечты опять воспарили к небесам. Дали бы мне не двадцать тысяч, а двести, я немедленно побежала бы за путевкой на Мальдивы. Хотя машина, на которой мы с мужем ездили, готова была вот-вот рассыпаться. В общем, в обувной отдел я пришла уже с пустым кошельком, и какое-то время стояла в недоумении. Я потратила все деньги на кучу в общем-то ненужных вещей. Без которых я раньше спокойно обходилась. И тогда я поняла все коварство халявы. Это вовсе не подарок, а испытание. Вот почему большинство людей, выигравших подобно мне, огромные деньги в лотерею, плохо кончают. Я прочитала об этом в Инете утром первого января, едва пришла в себя. И вспомнила, как получив нежданные двадцать тысяч, все равно осталась без зимних сапог, которые, единственные, были мне на самом деле нужны.

И сейчас мне надо взять себя в руки, чтобы потратить деньги на нужное дело, а не выбросить их на ветер.

Естественно, тут же нашлась масса советчиков. Хотя я никому о своем выигрыше не говорила. Только маме и Оле. Но мне тут же позвонил Паша и сказал:

– Сонька, дай взаймы три ляма!

Я чуть не упала. Помнится, мой бывший с придыханием произносил «сто тысяч». На большее у него просто фантазии не хватало. А тут: три миллиона!

– Тебе зачем? – поинтересовалась я.

– Машину хочу купить, – небрежно сказал Паша.

– Ага. Жить в дыре и ездить на «Кайене»! Как это по-русски!

– Это кто живет в дыре? – обиделся Паша. – Это пригород столицы нашей родины города Москвы, между прочим!

– За три миллиона, если добавить, продав твою квартиру, можно и в саму Москву перебраться. Зачем тебе джип? На метро удобнее.

– А меня не напрягает по два часа на работу ездить. Это ты у нас девочка балованная.

– Может, поэтому мне и повезло выиграть в лотерею?

– Так я заеду за деньгами?

– Еще чего!

– Вот уж не думал, что ты такая жадная, – обиделся бывший. – Тебе же семьдесят лямов на халяву свалилось!

– Не семьдесят. Меньше. И тринадцать процентов налог.

– И на что ты собираешься их потратить?

– Тебе-то какое дело? Мы с тобой развелись. Помнится, я не предъявляла к тебе имущественных претензий.

– Вот я дурак! Надо было подождать подавать на развод!

– Тогда бы я не выиграла этих денег. У тебя карма. Ты неудачник.

– А ты стерва! Дашь денег?

– Нет! – И я дала отбой, чтобы не слышать его ругань.

Потом позвонила маме:

– Ты зачем сказала Паше, что я выиграла в лотерею семьдесят миллионов?

– Я ему не говорила!

– Врешь!

– Ты как разговариваешь с матерью?! Думаешь, стала миллионершей и тебе все можно? Я не ему сказала – Людмиле.

Людмила – это моя бывшая свекровь.

– Мама, зачем?!

– А пусть не задается! Представляешь, звонит мне сегодня Людмила и ехидно так говорит: поздравляю с Новым годом. Что, вдвоем с Сонькой встречали? Никому твоя девка не нужна. А мой Паша нашел себе жену получше. Они вместе праздник отмечали, в его квартире. Паша скоро опять женится, и новая жена родит ему ребенка. Ее отец, между прочим, в администрации работает!

– Администрации чего?

– Ну, я не знаю. – Мама призадумалась. – Москвы, наверное.

– Тогда зачем такой девушке Паша? Вряд ли она переедет из Москвы в область. Уж поверь, я знаю цену Пашиной квартире. В нашей стране много городов, и в каждом есть администрация. Вдруг новый Пашин тесть живет в Чукотском автономном округе?

– Скажешь тоже!

– А вот не зарекайся. Зря ты сказала о моем выигрыше Людмиле Георгиевне. Паша только что звонил, просил три миллиона.

– Сколько?! Вот козел! – А до сих пор был хорошим парнем. – Не вздумай давать ему денег! Сонька, я тебя знаю! У тебя ветер в голове! Я тебе скажу, что делать с деньгами!

Кто бы сомневался?

Но первой высказалась Оля, которая срочно прилетела с Алтая, едва узнала о моем выигрыше.

– Ты ведь теперь квартиру купишь, – заискивающе сказала она. – Купи побольше, мы с Колей у тебя какое-то время поживем. И в центре.

– Побольше и в центре стоит гораздо дороже, чем я выиграла. Если ты имеешь в виду Кутузовский проспект или Остоженку.

– Да? Я узнаю.

И Оля принялась лопатить Инет на предмет покупки мною квартиры. А там и моя родительница подключилась. Примчалась ко мне с горящими глазами:

– Я знаю, что надо купить!

– Что?

– Виллу за границей! У моря!

– У какого? Морей много.

– В Испании!

– А почему не в Италии? Или не в Греции? На Кипре тоже неплохо. И о Таиланде подумай. Там тоже море есть. Андаманское.

– Да?

– Есть еще Японское. Ну и Черное, само собой.

На мое счастье, морей и в самом деле оказалось много. А мама ни разу не была за границей. Я вообще не знаю, кто надоумил мою родительницу насчет виллы?

Наверняка на работе. Им там особо делать нечего, поэтому они мечтают с упоением. Денег у меня ровно на одну виллу, не больше. Если купить на Черном море, появятся сомнения: а почему не на Средиземном? Почему в Турции, а не в Греции? Эх, а можно было бы и на Италию замахнуться! Выбор сделать непросто. Поэтому мама умчалась на работу, советоваться. Это надолго.

Нейтрализовав таким образом на время маму и Олю, я попыталась привести свои мысли в порядок. А чего, собственно, хочу я? Не считая, само собой, зимних сапог. Их я куплю в первую очередь. Но на что потратить оставшиеся шестьдесят миллионов?

Чтобы отвлечься от этих мыслей, я поехала в фитнес-клуб, поплавать. Вода ведь все забирает. Это как обряд очищения. Я плавала почти час и ни о чем не думала. А когда вышла из клуба, моя голова была ясной и светлой. И тут мой взгляд упал на ярко освещенные окна тридцать седьмого этажа. Да-да! В них опять горел свет!

Это же варвары какие-то! Дикари! Нельзя так обращаться с такой прекрасной квартирой! С моей квартирой!

Стоп! Надо успокоиться…

Я взяла себя в руки и включила логику. Такая квартира по карману только богатым людям. А они на новогодние праздники улетают за границу. Если в «моей» квартире горит свет, значит, хозяева никуда не улетели. Это странно. Я уже начала за них беспокоиться. В «моей» квартире явно что-то происходило.

Вот именно: в моей. Внезапно я приняла решение. Мне ведь нужна квартира? Нужна. Потому что я снимаю комнату. У меня пока нет своего жилья, а у родителей малогабаритная «двушка». И не на Остоженку, ни в Москва-Сити меня не тянет. А тянет сюда. Если эти странные люди не гасят свет, значит, они не очень-то дорожат своей прекрасной квартирой. Им до лампочки, если вдруг перегорят все их лампочки. Я куплю у них эту квартиру и наведу в ней порядок. Вот так-то.

Виталина

При повсеместной замене паспортов с советских на российские я, воспользовавшись, случаем, поменяла отчество и фамилию.

– А чем вам так не нравится ваше отчество? – спросила флегматичная дородная паспортистка, пересчитывая купюры в конверте. Мне хотелось быстро и без проблем.

– Мне не нравится словосочетание Виталина Витальевна. Отца я никогда не видела, возможно, он уже умер, я никак к нему и привязана и ничем не обязана. Поэтому своим отчеством не дорожу. Хочу его поменять.

– На какое?

– Все равно. Для меня все мужские имена одинаковы.

– Тогда Ивановна?

– Виталина Ивановна? Гм-м-м… Что-то не то. Очень уж простецки. По-моему, к месту будет еще одна «р».

– Сергеевна?

– Виталина Сергеевна? А что? Хорошо. И фамилию удлините.

– То есть?

– Пусть будет Барановская.

Так я поменяла манерно-тупое «Виталина Витальевна Баранова» на благородное с изюминкой «Виталина Сергеевна Барановская». Я ведь теперь работала в солидном банке и собиралась вскоре перебраться в вип-отдел. И тогда у меня появится визитка. Ее должно быть приятно взять в руки и прочитать то, что на ней написано, с удовольствием хотя бы эстетическим. На рядовой должности я не планировала долго задерживаться. Мне нужно было место начальника отдела, то есть, Игоря. Если бы он был умен, он бы мог пойти на повышение, а не вылететь с треском.

Началось все с того, что мы расстались. Игорь мне сказал:

– Я тебя боюсь.

Я сильно расстроилась. Где, интересно, я так прокололась? Шопенгауэра вроде не цитировала, число ? забыла напрочь, кроме двух первых знаков после запятой, разве что позволила себе покритиковать офтальмолога. Игорь собрался делать операцию, и я нарисовала на салфетке человеческий глаз, объяснив попутно его строение, а заодно доказав своему любовнику, что в его случае целесообразнее делать факоэмульсификацию, а не лазерную коррекцию, при такой высокой миопии и особенностях его астигматизма. Заодно нарисовала, что такое астигматизм.

Дело было в ресторане, и Игорь отчего-то сразу потерял аппетит. После ужина мы поехали не ко мне, как обычно, а разошлись по своим квартирам. Дня через два я и услышала:

– Я тебя боюсь.

– Что, другой офтальмолог подтвердил мои выкладки?

– Откуда ты все знаешь? – спросил он со злостью. – Такое ощущение, что я имею дело с роботом! Ты даже когда трахаешься, не закрываешь глаза! Ты все на свете хочешь контролировать! Даже мой член!

Черт! Так вот в чем все дело! Я плохо симулирую оргазм! Имея такую память, трудно влюбиться и почти невозможно расслабиться. Иногда мне кажется, что моя голова гораздо тяжелее, чем тело. Я все время ее чувствую. Да, в постели у нас с Игорем не очень. При Славе я была гораздо моложе и глупее, поэтому у нас и получалось.

– В тебе нет ничего человеческого! – продолжал надрываться Игорь. – Ты все знаешь, все помнишь. Годовой план, квартальный отчет, имена и отчества всех клиентов вип-отдела, даты их рождения и даже имена их жен и детей! Скажи, ты хоть раз в жизни забыла выключить свет?

Выключить свет? Это что, издевательство? В бытовых мелочах моя феноменальная память давно уже работает на автопилоте, и он так же надежен, как и основная моя память, рабочая. Я никогда не мучилась вопросом, не забыла ли я закрыть кран или щелкнуть перед уходом выключателем? Что там с моим утюгом и лежит ли в сумочке зарядное устройство для мобильника? Разумеется, лежит, хотя сам мобильник заряжен до отказа. Я делаю это машинально, как и все остальное.

Я всегда выключаю перед уходом из дома свет.

Неужели я робот?

– Почему ты молчишь?!

– Я думаю.

– А не надо думать! Не надо ходить повсюду с таким деловым видом! Ты все-таки женщина, – сказал он с укоризной.

Вот тут он угадал. Я никогда не забывала о том, что я женщина. И мне нужен покровитель. Я ведь одна на всем белом свете. К тому моменту, как мы познакомились с Игорем, моя мать уже была одной ногой в могиле, потому что спивалась. Я давала ей деньги, ведь она моя мать. А она тратила их на водку, в ее жизни не было других радостей, кроме как выпить и забыться. Я как-то привозила мать в Москву. Это было напрасно.

Уборщица, деревенская девчонка, родившая единственную дочь от мелкого вора. Что она видела в жизни? Вонючие подъезды и грязные тряпки? У нас приличной посуды в доме не было! Глиняные чашки с отколотыми краями и тарелки из школьной столовки! Разнокалиберные краденые вилки и всего две чайные ложки, потому что мы никогда не звали гостей! Куда? В коммуналку? Не говоря уже о столовых ножах. Их просто не было. Я хотела отвести мать поужинать в кафе. Даже не в ресторан. Так, в забегаловку. Моя Баранова испугалась и отчаянно замахала руками:

– Нет, нет, нет! Что ты, Вита? Да ни за что!

Будто я предлагаю ей продать свою почку, а не пойти в ресторан. Такой же ужас в глазах. В моей московской квартире мать не смогла спать, хотя тогда это были далеко не хоромы. Не как сейчас: сто сорок квадратных метров с шикарным видом на парк, дом бизнес-класса с подземным паркингом и круглосуточной охраной. Слава богу, мать до этого не дожила, иначе бы я чувствовала неловкость, а она все тот же ужас. Еще и принялась бы грязь подтирать на лестничной клетке! Это невозможно вытравить, даже выкачав из моей матери всю кровь до капли и влив новую, другой группы. Это на уровне генов. Моя мать уборщица. Навсегда.

Тогда почему я такая?

Уровень тот, который ты сам себе назначаешь. Мы все из одного теста, и те, кто вверху, и те, кто внизу. Те, верхние, ничуть не умнее. Просто нижние – это трусы. Они боятся поверить в свои силы. В то, что от них что-то зависит. И выбирают себе начальников. Ответственных. И всю жизнь выполняют чьи-то распоряжения.

А я терпеть не могу, когда мною распоряжаются. Отношения возможны только партнерские. Даже любовник – это не мой хозяин. Даже когда он сверху, в постели. Я-то знаю, что я умнее. И если он вдруг позволит себе перейти ту грань, где мы партнеры, я тут же его накажу. Как это случилось с Игорем.

Он ведь захотел меня уволить за (ха-ха!) непрофессионализм. Вы себе представляете, что такое клиенты вип-отдела солидного банка? Это у какой-нибудь пенсионерки единственный счет в Сбере, ее «гробовые». И она давно все высчитала до копейки, все проценты на двадцать лет вперед. Или у офисного планктона их зарплатная карта. Долгов больше, чем денег, потому что кредитов нахватали, что там считать? А у випов деньги распиханы по разным банкам, разным счетам, в разной валюте, да еще и по разным банковским ячейкам! Они порою сами не помнят, эти элитные клиенты, где у них чего и сколько. Одних карточек, золотых и платиновых – «лопатник»! Сама видела, как эти випы расплачиваются в ресторане. И такой человек, как я, в отделе банка на вес золота. Который все помнит, даже пин-код любой из карт, к которому можно обратиться в любое время дня и ночи и получить исчерпывающую информацию о состоянии дел. Непрофессионализм! Еще раз «ха»!

Разумеется, мои таланты не остались незамеченными. Все чаще клиенты вип-отдела выбирали именно меня в качестве персонального менеджера.

– Нет-нет, я хочу работать только с Витой! Она надежна.

И этот дурак Игорь захотел меня уволить! Надо было договариваться. Он очень вовремя отправился на операцию. Хоть бы спасибо сказал, что благодаря мне ему полроговицы не снесли! Пока он восстанавливался на больничном, я времени даром не теряла. Был у меня один клиент. Очень богатый человек. Кому как не мне об этом знать? Хотя я подозревала, что денег у него гораздо больше, чем даже я знаю. Любовниц у него было несколько, но в борьбе за выживание все средства хороши. Я готова была делить своего покровителя с кем угодно, лишь бы выжить в этих каменных джунглях. Это был новый уровень, я на нем еще не освоилась. У меня тоже гены. Каждый раз надо себя ломать, поднимая уровень.

В общем, он пригласил меня на ланч. Ах, эти ланчи! Вроде бы деловая встреча. Перекус между подготовкой договора и подписью в нем. Вроде бы ничего личного. Но…

– Вы чем-то расстроены, Вита?

– Борис Геннадьевич, мы с вами скоро расстанемся, а я к вам успела привязаться.

– Расстанемся? Это почему?

– Меня увольняют.

– Ради всего святого, Вита! Если вас увольнять, то кого же тогда оставлять? Вы незаменимый сотрудник.

– Так-то оно так. – Я вздохнула. – Но разве вы не знаете, что в наше время все решают родство и связи? А я одна. На всем белом свете. – Я прослезилась.

– А ваши родители?

– Умерли. – Не хватало еще предъявить ему свою мать! Уборщицу и алкоголичку! – Братьев-сестер нет. Я не москвичка, так что…

О трех квартирах, бывших к тому времени у меня в собственности, и банковских счетах я благоразумно умолчала.

– Селф-мейд вумен, значит. – Он рассмеялся. – А ведь я давно вас заметил. Тебя. Девочка ты неглупая, только вот… – Он перестал смеяться и вздохнул. – Женственности тебе не хватает. Чертовщинки, что ли, в глазах. Ты все время такая напряженная. – И он накрыл своей ладонью мою руку.

Я поняла, что это приглашение.

– Борис Геннадьевич, мне ведь в жизни не сладко пришлось. Я такая напряженная, потому что боюсь оказаться на улице.

– Ну, это мы уладим. Ты мой персональный менеджер, и я не собираюсь с тобой расставаться. Как насчет поужинать вместе? – Он подмигнул. – Сегодня я занят, завтра тоже. Скажем, послезавтра.

– Я согласна.

– Я пришлю машину, – сказал он небрежно и встал, бросив на стол пару купюр. За ланч.

Я поняла, что как любовница получила повышение. А Игорь отставку. Потому что перед уходом мой мультимиллионер зашел к генеральному. Я прекрасно знала, что они приятели. Еще бы! Борис Геннадьевич держал в нашем банке уйму денег!

– Что ж ты девочку мою обижаешь?

Приблизительно так.

Когда Игорь закрыл больничный и вернулся в свой кабинет, там уже сидела я.

– Вот уведомление о твоем увольнении. Ознакомься.

– Под кого на этот раз легла, сука? – с ненавистью прошипел он.

– Главное, я знаю, под кого лечь, а ты нет.

Он рванул галстук, словно бы ему нечем было дышать.

– Тварь…

– Ты, конечно, можешь подать в суд за незаконное увольнение. Но советую иметь в виду мою феноменальную память. В суде именно я буду выступать главным свидетелем. Уж я сумею доказать, что тебя уволили за непрофессионализм.

– Чтоб ты сдохла!

– Пока не собираюсь, – сказала я холодно. – Сам уйдешь или мне охрану вызвать?

Моя рука потянулась к тревожной кнопке под столом. Игорь ушел сам, бормоча проклятия. Дальнейшей его судьбой я не интересовалась.

Соня

Первой, кто узнал о моем решении, была Оля. Едва я переступила порог квартиры, которую мы снимали, на меня кинулись с победным кличем:

– Нашла!

Оказывается, пока меня не было, Оля успела связаться с риелтором и договорилась о просмотре квартиры. Меня удивило, с какой ловкостью и наглостью подруга распоряжается моими деньгами. Еще бы, у нее был опыт в подобных делах!

– Вот! Смотри! В центре! Большая! И недорого! – И она сунула мне под нос распечатку из Инета.

– Дай хотя бы чаю попью, – брезгливо отстранилась я.

Ненавижу навязчивых людей. Еще больше ненавижу глупых навязчивых людей. Выбор квартиры – дело ответственное и не одного дня. Оля должна бы об этом знать, прежде чем кидаться в объятия к первому попавшемуся риелтору.

Представьте себе огромный город, сплошь застроенный многоэтажными домами. То же самое, что и с морями: их слишком много. Попробуй угадай, какой именно климат тебе подойдет, если ты не была ни на одном! Хорошо, если у тебя есть какие-то привязки: близость к работе, садик или школа для ребенка, дача в том же направлении. Работы у меня не было, дачи тоже, не было и ребенка. Были мама с папой, но они еще молоды и вполне здоровы. Одно дело ездить к ним с помощью, другое за нотациями. Мне пока еще не дали понять, что нуждаются в моей помощи, зато пилили беспрестанно. Поэтому я вовсе не была заинтересована в том, чтобы купить квартиру в том же районе, где жили мои родители. Это значило фактически поселить у себя маму, потому что она работала буквально в двух шагах от дома. И от моего дома тоже она будет работать в двух шагах!

Повод меня пилить всегда найдется, я ведь безалаберная. Нигде не работаю, не замужем, готовить не умею. И я пока хочу держаться от мамы подальше. Пока не обзавелась мужем, ребенком и дачей. А еще работой.

Что до остального, мне уже понравился дом, мимо которого я ходила в клуб. И я уже выбрала в нем квартиру. Осталось выбрать риелтора.

– Я никуда не поеду, – спокойно сказала я, выслушав Олю.

– Почему? – обиделась она. – Я так старалась!

– Ты старалась для себя. Почему бы тебе не купить лотерейный билет?

– Смеешься? – Она обиделась еще больше. – Это же уникальный случай! Такой выигрыш, как у тебя! Я могу купить хоть сто лотерейных билетов, но мне ни за что не повезет!

– Тогда заработайте с Колей на квартиру, – пожала плечами я.

– Теперь издеваешься, да? – Оля всерьез разозлилась. – Я-то думала, мы подруги! Я, между прочим, заплатила за тебя хозяйке в прошлом месяце! И нашла эту квартиру! А ты мне чем отплатила? Зазналась, да? Богатая стала?

Я устало прикрыла глаза. Хорошо, что у меня всего одна подруга. Хорошо, что муж бывший. И я не люблю животных: никакой собачий приют не вытянет у меня мои шестьдесят миллионов. Я хочу купить на них тайну. Большую, сто сорок квадратных метров с видом на парк.

На следующий день от разобиженной Оли я уехала к маме. Тут меня ждали новые испытания. Мама разложила на столе пасьянс из газетно-журнальных вырезок, нацепила очки с огромными, как у мудрой совы, плюсовыми стеклами, и принялась меня просвещать:

– Большинству людей, выигравших такие же, как ты, большие суммы в лотерею, эти деньги не принесли счастья. В 2002 году пятидесятипятилетний Джек Уиттакер выиграл сто семьдесят миллионов долларов. Полмиллиона он подарил продавщице супермаркета, где купил билет, более полутора миллионов пожертвовал христианской общине и бездомным. А дальше на него одна за другой стали сыпаться неприятности. Его машину дважды грабили, причем ворам доставались огромные суммы. В первый раз Джек перевозил с собой шестьсот тысяч, во второй двести. Сначала умер друг его внучки, потом пропала и сама внучка, которую спустя две недели нашли мертвой. В 2007 был ограблен его дом. Через два года умерла единственная дочь. В итоге Джек подсел на азартные игры и проигрался так, что одно из игорных заведений подало на него в суд за долги…

– Чудесно, – улыбнулась я. – Во всем виноват выигрыш.

– Да! – Мама сняла очки и строго посмотрела на меня. – Поэтому ты должна распорядиться этими деньгами с умом.

– С твоим?

– Хотя бы! Я лучше знаю, что тебе нужно!

– Ты это знаешь с тех пор, как меня родила. – Я невольно вздохнула. – Хорошо. Что ты предлагаешь?

– Дом на море.

– На каком? Ты уже выбрала?

– Да. Мне посоветовали купить недвижимость в Турции. Покупаешь дом у моря и получаешь другой такой же в подарок, в горах, где чистый воздух и замечательная экология.

– Это тебе на работе сказали?

– Между прочим, у нас не дураки работают! Все с высшим образованием! Два дома по цене одного, это ли не выгода?

– Полагаешь, турки не будут эти дома грабить? Чужая страна, чужой менталитет. Они мусульмане, мы христиане. Неверные. Недвижимость за границей надо содержать, мама. Надо за ней следить. Сколько раз ты собираешь туда ездить?

– Да хоть каждую неделю! На море-то?

– А в горы? Представь: вылетать надо в пятницу сразу после работы. Пробки, томительное ожидание в аэропорту, часто случается задержка вылета. В субботу дай бог отоспаться, а в воскресенье утром уже надо улетать, потому что в понедельник утром опять на работу. Увидишь ты это море? Или ты собираешься бросить работу?

– Что ты, что ты! – замахала руками мама. – Мне еще четыре года до пенсии! И то говорят, что пенсионный возраст вот-вот увеличат! До шестидесяти!

– До твоих шестидесяти, мама, оба наших турецких дома разграбят окончательно, – пообещала я.

– А может, ты замуж выйдешь за турка?

Теперь я поняла, к чему она клонит, и вкрадчиво сказала:

– Ты подумай хорошенько. А не то влетишь с этой заграничной недвижимостью. Вон, один мужик, купил в Таиланде кусок прибрежной полосы. А там ярко выраженные приливы и отливы. И когда товарищ, оформив сделку, приехал взглянуть на свою собственность, то увидел бескрайнюю морскую гладь. И вообще в Таиланде все пляжи муниципальные, – сказала я, чтобы окончательно запутать родительницу.

Она и в самом деле крепко задумалась, потом, опять вооружившись очками, придвинула к себе газетную статью:

– Житель Великобритании по имени Майк Кэррол в 2002 году выиграл почти десять миллионов фунтов. Все деньги он растратил на подарки родным и друзьям, праздники и тусовки, машины класса люкс. После выигрыша, как говорит сам Майкл, он полностью утратил связь с реальностью, – наставительно сказала мама и посмотрела на меня поверх очков. – За десять лет он потратил более двух миллионов фунтов на алкоголь и наркотики. Он несколько раз попадал в больницу, проходил курсы реабилитации от своих зависимостей, но в итоге возвращался к прежнему образу жизни. Также ему дважды пришлось оказаться в тюрьме. Теперь у него нет ни машины, ни прав, которых его лишили за вождение в нетрезвом виде…

– Мама, у меня нет прав. И я не знаю, где берут наркотики.

– Слава богу! Но поверь, Софья, теперь, когда у тебя появились такие деньги, найдутся и люди, которые предложат тебе наркотики.

– Что, кокаин – неизменный спутник миллионеров?

– А вот послушай еще…

– Мама, все это есть в Инете. Не обязательно было разорять библиотеку. Ты вырвала страницы из государственной собственности, газетной подписки. А мне говоришь о тюрьме!

– Так будет нагляднее. – Она поджала губы. – Кто их читает, эти старые газеты?

На самом деле моя мама не умеет полноценно пользоваться Инетом. Остались еще на свете такие дремучие люди. Нет, свою почту-то мама может проверить и освоила складскую отчетность. Бухгалтерские документы она тоже умеет заполнять в компьютере. Но задать вопрос в поисковой строке… У мамы даже с телефоном проблемы. Она упорно пользуется кнопочным и шарахается от моего смартфона. Это, кстати, и хорошо. Она в отличие от Оли не скоро найдет риелтора, который предложит нам какую-нибудь заграничную недвижимость. Я успею их обеих опередить.

Оставив маму в глубоком раздумье о судьбе турецкой недвижимости, я поехала домой. На самом деле все эти истории очень поучительные. В мире существует закон сохранения. И если на одну чашу весов тебе положили сумасшедшую халяву, аж семьдесят миллионов, то на другой по идее и должны лежать огромные неприятности. И чтобы их избежать, надо бы эти чаши уравновесить. Положить на ту, первую, где выигрыш, тоже большие проблемы.

Я хитрая. Взяв на себя эти чужие проблемы, одновременно обзавожусь элитной недвижимостью. Надеюсь, что Господь заметит это и сжалится. Я абсолютно уверена: с хозяевами моей квартиры что-то случилось. Да, я хочу обмануть судьбу. Не стать алкоголичкой и не подсесть на наркотики. Не угодить в тюрьму и не осчастливить чужих мне людей, самой став несчастной. Купить машины класса люкс, чтобы их разбить и лишиться прав. Не дай бог, и жизни кого-то при этом лишив! Я ведь не умею водить, и, учитывая мой характер, быстро этому не научусь. Так и буду овцой на дороге.

Нет, я больше не накуплю кучу ненужных вещей, остро нуждаясь только в зимних сапогах.

Вернувшись домой я заперлась в своей комнате, поскольку Оля со мной все еще не разговаривала. Она заперлась в своей комнате вместе с Колей. Уверена, что они обсуждали меня и мою черную неблагодарность. А я полезла в Инет, чтобы найти подходящую риелторскую фирму. В итоге остановилась на самой крупной.

Мой молодой голос и звучащие в нем просительные интонации сбили с толку секретаршу. Она соединила меня с таким же молодым парнем. Он буркнул:

– Стажер Клим… – Фамилию я не расслышала.

Стажер так стажер. Мне это на руку.

– Я хочу купить квартиру. Меня интересует определенный дом.

Я назвала адрес.

– Там много чего продается, – настороженно сказал мой собеседник. – Это элитный дом. Квартиры там очень дорогие.

– Я в курсе. Могли бы вы мне что-нибудь показать?

На самом деле я хотела взглянуть на этого Клима, подойдет он мне или нет? Не всякий меня поймет, хоть и говорят: любой каприз за ваши деньги. Если бы Клим не был стажером, он, скорее всего, просто меня бы послал. «Покажите мне что-нибудь». Но ему, видать, выбирать не приходится. На дворе все еще кризис, и вторичка падает в цене. Рынок практически заморозился, и продавцы, и покупатели выжидают. Поэтому стажер Клим буркнул:

– Хорошо.

И мы назначили встречу. Тогда я еще не знала, что это встреча с Судьбой. Которая просто-таки забросала меня знаками! И что меня ждут такие приключения, об отсутствии которых можно только мечтать. Но я ни разу не пожалела о своем решении. За свои халявные миллионы я получила эмоций на миллиард. И не стала при этом наркоманкой. А стала…

Нет, обо всем надо по порядку.

…Я до сих пор прекрасно помню тот день. Точнее, утро. Стажер Клим накануне сказал мне:

– Света там еще нет, поэтому лучше пойти туда днем. – И тут же: – Я свободен с утра.

Мол, хочу поскорее от тебя отделаться.

И вот мы стояли, разглядывая друг друга и одновременно отводя глаза. Честно сказать, ни он мне, ни я ему сразу не понравились…

Виталина

Этот мой роман длился долго, почти шесть лет. При Борисе я поступила в Высшую школу экономики, теперь я могла себе это позволить. Начальник в отличие от подчиненных располагает собой и своим временем. Что до денег, я никогда ими не разбрасывалась, не тратила на всякую ерунду. Поэтому решила: вытяну.

Не скажу, что мы с Борисом испытывали друг к другу нежные чувства. Скорее, я была для него чем-то вроде ручной обезьянки, дрессированной такой, умеющей по команде выполнять всякие забавные трюки. Гляньте-ка, что моя обезьянка-любовница вытворяет! Запоминает наизусть целые параграфы! Для постели у Бориса были другие девки, мою он удостаивал своим посещением редко. Но я не жаловалась, как любовник он был еще хуже Игоря.

Мы вместе ходили на деловые встречи и светские рауты. Благодаря мне Борис мог блеснуть своей эрудицией. И потом: бывают такие встречи, где записи делать просто неприлично. Я молча слушала, глядя в свою тарелку, чтобы потом воспроизвести разговор в деталях, не упустив ни одной. Полагаю, что денег я заработала для своего любовника предостаточно. И мне было обидно узнать, что постельные услуги Борис оценивает гораздо дороже.

Своей девчонке, безголосой певичке, чье амплуа «поющие трусы», он купил шикарную квартиру в центре, не говоря уже о деньгах, потраченных на раскрутку этой белобрысой бездарности! Мне же отвалил машину, причем не «Бентли», а какую-то «Ауди»! Я прекрасно знала, что «трусы» ездят на «Бентли». Разве не могло меня это не взбесить?

Но я все это терпела, пока наши отношения носили характер партнерских. Пока Борис не сказал:

– Считаешь себя самой умной, да?

После этой фразы я всегда говорила себе: Вита, стоп! Потому что дальше мне предлагали сесть на лобное место, лицом к аудитории, и доказать свою профпригодность. Я давно уже на это не ведусь. «На спор» – это для дураков. Результат выигранного спора – моральное удовлетворение, которое на хлеб не намажешь. Оно мне надо?

Поэтому я лишь молча улыбнулась. Борис воспринял это как поощрение и продолжил:

– Мы живем в век Интернета. – Он говорил «Интернет», хотя в разговорной речи «е» в середине слова звучит как твердое «э». Меня это страшно бесило. «Интернет» в устах Бориса был какой-то стариковский. – Это раньше в почете были всезнайки навроде тебя. Ходячие энциклопедии. А сейчас в кармане у каждого лежит Большая советская энциклопедия. И куча всяких словарей. Достаточно надавить на кнопку. Ну и на кой вы такие нужны? – Он ухмыльнулся. – А скоро и переводчик будет лежать у каждого в кармане.

– Достаточно надавить на кнопку, – поддакнула я.

– Ну да, – самодовольно кивнул Борис. – Так что лишь недалекие родители пихают своих детей во всякие там лингвистические вузы. Работы для переводчиков скоро будет мало. Все заметно упростилось с тех пор, как появился Интернет. – Я невольно поморщилась: – Что? Не нравится? Думаешь, я тебя боюсь? Кишка у тебя тонка, воевать со мной. Ты никто, поняла? Всего лишь баба. Ни родственников, ни связей. Да и денег у тебя больших нет, откуда тебе их взять? Так что сиди и не вякай. Без твоих советов обойдусь.

Да, он действительно меня не боялся, поэтому мы и протянули так долго. Но разве после этих слов я могла продолжать наши отношения?

Грянул очередной кризис. Сначала все думали: рассосется. Рассосалось же в девяносто восьмом? Но прошел год, а ситуация становилась только хуже. Лопнул очередной мыльный пузырь. На этот раз деривативы. Оплаченных обязательств оказалось гораздо больше, чем базисных активов. Вдруг оказалось, что все годами продавали и покупали воздух. Нарыв раздулся огромный и лопнул с грохотом, так что во все стороны полетели гной и пена, погребая под собой доселе процветающие страны. Когда из этого океана дерьма наконец-то появились островки суши, они оказались не в состоянии рожать блага столь же

изобильно, как раньше. Наступила новая эпоха.

Мой Борис вляпался по полной. Этот новый кризис довольно сильно ударил по девелоперам. А Борис вложил в строительство нового микрорайона кучу денег, которые взял в том числе и у нашего банка в кредит. Обязательства мой любовник не выполнил и обратился в другой банк, перехватить денег там. Да еще и по знакомым назанимал, частным порядком. Я все это знала, а благодаря своей феноменальной памяти контролировала все движения средств на счетах дражайшего Бориса Геннадьевича.

Когда он меня унизил, я пошла к одному из акционеров нашего банка, к главному бенефициару. Немногие знали, что Максим Леонидович и есть контролирующий акционер, но мне не стоило труда это вычислить. Когда-то именно он и назначил меня начальником вип-отдела вместо Игоря, по рекомендации моего Бориса. Теперь я пришла и рассказала о том, что Борис хочет нас кинуть. По моим расчетам кредит в другом банке ему не поможет. Значит, Борис пойдет в третий. Когда дело дойдет до суда и Бориса объявят банкротом, мы потеряем кучу денег, потому что будем далеко не единственными в этой очереди. В нашем банке, таким образом, возникнет ощутимая финансовая дыра, и мы попадаем под удар. А на дворе финансовый кризис. Борис далеко не глуп, и поняв, что происходит на рынке недвижимости, начнет уводить свои деньги в офшоры.

– И вы, Максим Леонидович, должны знать, что у нашего клиента хватает кредиторов и помимо вас. Вы будете выводить в офшоры деньги ваших партнеров, и вряд ли они вам это простят. Вы потеряете их доверие. Банк сам по себе не воин. Он работает без сбоев, пока он в системе. Рано или поздно вас подставят. Вам нужно будет заткнуть финансовую дыру, а денег никто не даст, вспомнив, как вы помогли сбежать за границу Борису Геннадьевичу.

– Значит, ты решила его слить, – ухмыльнулся он. – А ты не надорвешься, девочка? Сначала Игорь, которого ты сожрала. И я пошел тебе навстречу, уволил протеже моего отца. Не родственника, но все же. Игорь был не очень умен, но зато верен. Хоть бы раз поинтересовалась его дальнейшей судьбой. Теперь, значит, Борис. Не скажу, что мы большие друзья, скорее, люди одного круга. А кто ты такая?

Я молчала. Это был новый уровень, я на нем еще не освоилась.

– Думаешь, тебя так сложно убрать? Не сложнее, чем вышибить в доме дверь. Да, она надежная, бронированная, но дом без нее как стоял, так и будет стоять. Это ведь не несущая стена, и не крыша. Не парадная зала.

– Парадная зала – это ваша жена, – не удержалась я. – А без двери дом будет похож на проходной двор. Пока поставят новую, всю вашу мебель разворуют.

Он рассмеялся, проигнорировав мой намек:

– Да, Зоя красавица. Причем породистая красавица, ее предки были князьями. А у тебя нос курносый и щиколотки широкие, как у деревенской бабы. Кто твоя мать? Нянечка в детском садике? Медсестра? Уборщица?

– Почти угадали. Техничка. Техническая служащая, – пояснила я, потому что Максим Леонидович удивленно поднял брови. Он не учился в обычной школе. Его отец был дипломатом. Поэтому я спокойно сказала: – Технические служащие убирают классы в школах и моют коридоры, следят за гардеробом и подают сигнал к началу учебных занятий.

– А-а-а… Забавно… Я наслышан о твоих способностях. Якобы у тебя феноменальная память. Интересно, откуда?

– Ломоносов тоже пришел в Москву пешком. С обозом.

– Тоже мне, Ломоносов! – хмыкнул он. – Ладно, иди. Я подумаю.

Честно сказать, я со страхом ждала его решения. Конечно, у меня есть деньги на черный день. Есть три квартиры. В одной я живу, но две-то можно сдавать, а не ждать очередного денежного и глупого покупателя. Есть машина, которую можно продать за хорошие деньги. «Ауди», которую подарил Борис, у меня не единственная. Я, безусловно, выкручусь. Но мне хочется большего, ставки слишком высоки.

Максим Леонидович думал аж неделю. Хорошо, что терпения мне не занимать. Полагаю, он просто проверял мою выдержку. Мы встречались в коридорах и один раз в лифте. Я ни разу не нарушила субординацию и не дала понять, что чего-то жду. Даже когда мы вдвоем ехали в лифте. Молча улыбалась, никак не

интимно, а вежливо, можно даже сказать, подобострастно. Так, как подчиненный, мелкая сошка, улыбается своему боссу.

Через неделю он пригласил меня на ланч. Но трапезничали мы не в кафе при банке. Максим Леонидович повез меня в центр, в дорогой ресторан, где нас провели в отдельный кабинет. В «Майбахе» на парковке ждал шофер, в приемной нашего банка томились в ожидании хозяина просители. Это само по себе уже было неплохо. Куча людей ждала хотя бы милостивого взгляда, а я удостоилась целого обеда! И разговора с Самим.

– Ты была права, – небрежно сказал он. – У Бориса огромные долги. Кстати, как он в постели?

– Никак. – Я пожала плечами.

– Обо мне ты тоже так будешь говорить?

– Я могу молчать.

– Это я уже понял. – Он одобрительно кивнул. – Молчать ты умеешь. Странная ты девушка, Вита, – он впервые назвал меня по имени, я сочла, что это добрый знак, – никак не могу тебя понять. – Он скомкал салфетку. – Ты способна на все, в том числе на предательство. Знаешь ведь, как говорят? Есть люди, которые не способны ни на что, а есть люди, способные на все. А что делать с людьми, у которых нет вообще никаких моральных принципов? Которые способны абсолютно на все?

– Вам повезло, у вас есть отец. – Я впервые подняла на него глаза.

– Не надо давить на жалость, – поморщился он. – Я не подаю сиротам. Была бы ты мужиком, я вел бы себя по-другому. Но ты все-таки женщина. – Вот спасибо! Вспомнил! – Не скажу, что я монах. И что верен своей красавице жене. Но с девками, с ними как-то проще. Красивая дура, она и есть красивая дура. Я никогда не буду тебе доверять. Извини, не смогу.

– Странная прелюдия. – Я усмехнулась. – Почему бы вам тогда не вышвырнуть меня вон?

– Кто знает, куда ты дальше пойдешь? Ты ведь способна на все. Люди с такими талантами и с полным отсутствием принципов добиваются многого, но плохо кончают.

– Это предупреждение?

– Считай, что да. Ты наплодила себе врагов. Разумеется, Борис узнает, кто его слил. И Игорь до сих пор вздрагивает при одном только упоминании твоего имени и шипит «сука». Я тебе этого не позволю. Слить меня. Не одна ты умная.

По крайней мере, он не сказал «не считай себя самой умной». Это пока пристрелка.

– В общем, так. – Он отбросил скомканную салфетку. – Ты скажешь мне обо всех счетах Бориса Геннадьевича. Сколько у него долгов, стоимость его активов. Скорее всего, он сядет. Это не я решил. Мы. Все те, кого он собирался кинуть. Я предлагаю тебе провести уик-энд на моей яхте, – сказал он без всякого перехода. – Она пришвартована в Венеции. Город сам по себе красивый, но мы не будем там задерживаться, поплывем на острова. Сейчас как раз бархатный сезон. Моя жена улетела в Ниццу. С некоторых пор мы предпочитаем отдыхать на разных яхтах.

– А если вы вдруг встретитесь в море?

– Я отстучу ей «Привет, дорогая», – ухмыльнулся он. – Зоя – это моя визитная карточка. Это связи, дети, место в элите. Парадная зала, как ты правильно заметила. Кстати, я предлагаю тебе место в Совете директоров, – небрежно заметил он. Опять-таки без всякого перехода. Я не успевала за его мыслями. – Ты будешь входить в Совет директоров и станешь топ-менеджером моего банка, – повторил Макс. – Неплохо для тридцати-то с небольшим, а?

– Я должна буду докладывать тебе обо всем, что происходит на заседаниях?

– Разумеется. Кто что сказал, и не только сказал. Как посмотрел, как высморкался, или протер очки, в каком именно месте, на какой реплике и чья это была реплика. Люди – это удивительные существа. Они все говорят одно, а думают другое. Но их выдают жесты. Я знаю, что большинство моих подчиненных – идиоты. И меня считают идиотом. Потому что одобряют любой

мой бред. Я ведь финансист по воле обстоятельств, папа так захотел. А мне, может, картины нравится писать. Или ходить под парусом. Я устал за всех думать. И все чаще ошибаюсь. А шальных денег больше не будет. Я хочу дельные предложения и привлечения инвестиций. Мы больше не будем финансировать убыточные проекты. Подумай, во что можно вложить деньги.

– Я буду твоей любовницей, шпионом или финансовым консультантом?

– Сдается мне, ты прекрасно можешь совмещать. Ты ведь скоро оканчиваешь Высшую школу экономики? – Я кивнула. – Прекрасно. Твое назначение никого не удивит, об остальном пусть догадываются.

Бог ты мой, кто ж может вытянуть такой огромный воз в одиночку? Холдинг Макса. Там накопилось полно балласта, а как его сбросить, когда все эти фирмы и фирмочки возглавляют свои? Родственники босса и его жены, друзья детства и юности, нужные люди. Которые доверили Максу свои деньги, а он не знает, как ими распорядиться, передоверил это мне. Что вы хотите от сына дипломата? Разве он бизнесмен? Ведь он не голодал, не холодал, не грыз землю зубами, чтобы пробиться, ему все преподносили на блюдечке с голубой каемочкой. Он умеет быть царем только когда казна полна золота, а в мире нет войны. Но стоит напасть агрессору или во владениях случится неурожай – и перед нами уже не царь, а растерянный обыватель, прячущийся в задней комнате у мольберта. Что вы от меня хотите, я всю жизнь мечтал картины писать?

Но Макс мне нравился, поэтому я его и не утопила. Наоборот, когда его время кончилось, помогла сбежать в Лондон и устроиться там с комфортом. Прикрыла его задницу, за что и получила «золотой парашют». Правда, вместе с волчьим билетом, потому что меня больше не возьмут ни в один банк. Но я выбрала это в благодарность за наши с Максом ночи, которые, в общем-то, были неплохи, особенно те, первые, на яхте. Когда я еще была под впечатлением от моего очередного взлета.

Я опять получила повышение как любовница. Теперь я стала любовницей банкира. Это пьянило, как и новые ощущения. Ласки нового мужчины, на этот раз привлекательного и молодого.

До Макса я относилась к женам своих любовников либо плохо, либо безразлично. Но Зоя меня поразила. Намертво врезался в память один эпизод. Я вернулась с

очередного совещания и докладывала Максу о том, что там было. Мы сидели у него в кабинете, а Зоя в это время принимала гостей. Нас ждали только к ужину, а покамест хозяйка показывала вновь прибывшим свой роскошный загородный особняк. Мы слышали их голоса в коридоре.

И вдруг дверь в кабинет распахнулась, и Зоя голосом экскурсовода в Эрмитаже отчеканила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/natalya-andreeva/lyubya-gasite-svet

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить